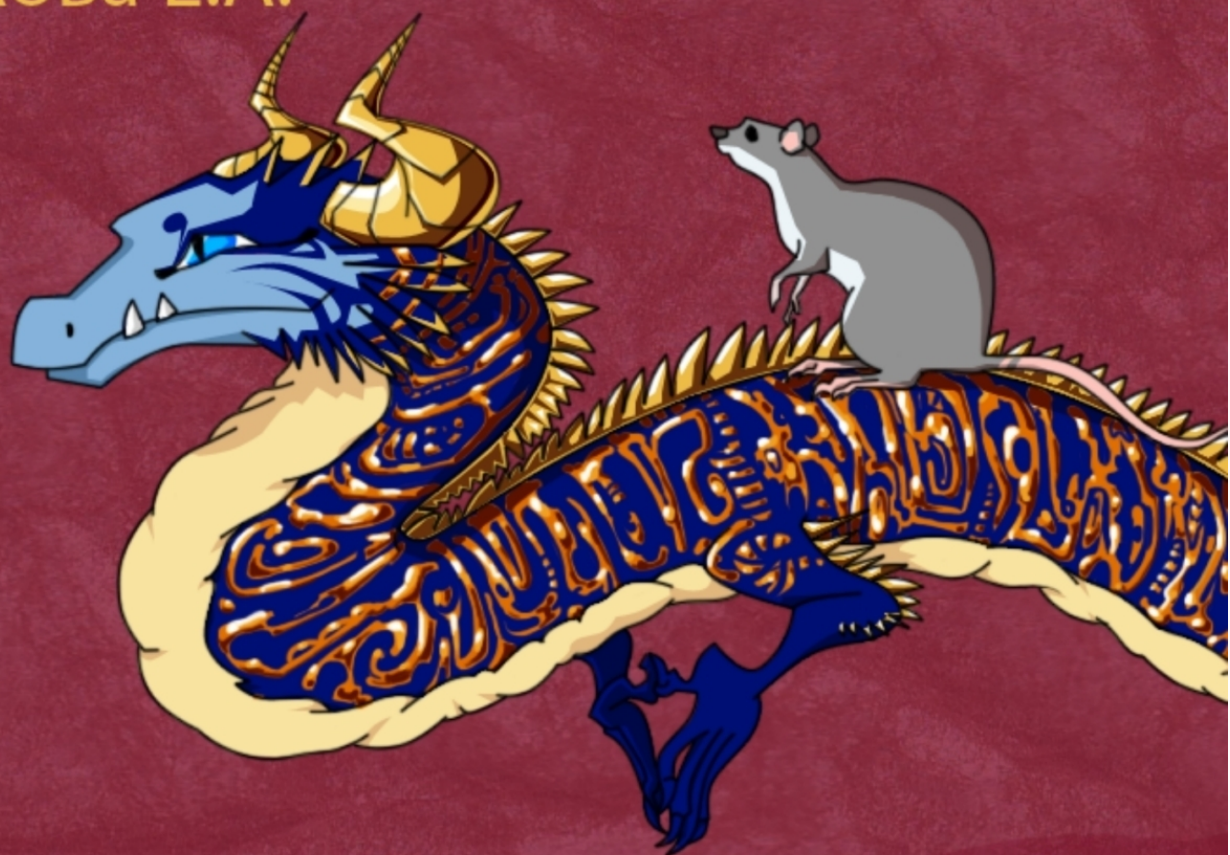
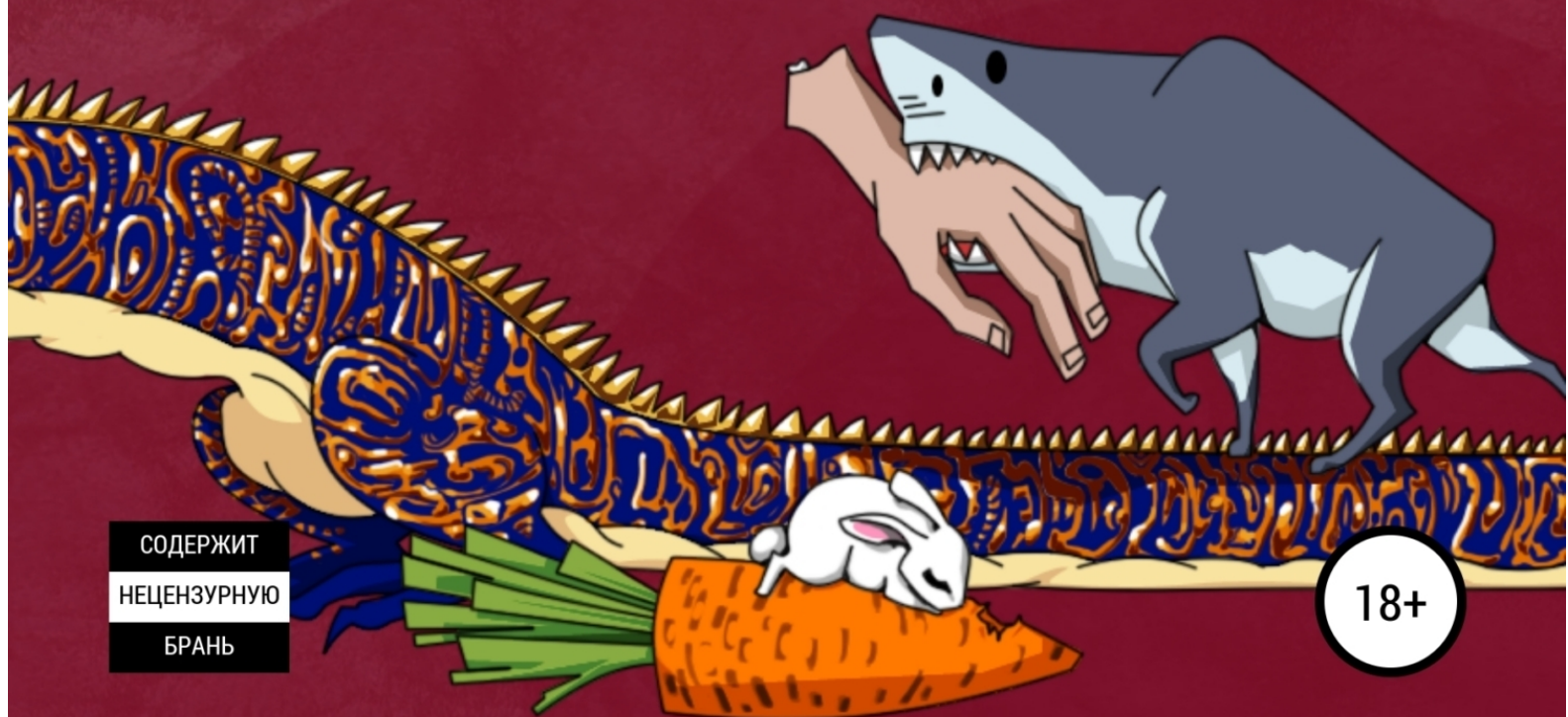

Ключникова Е.А.

Однажды в Птопае

Книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Ключникова

Однажды в Птопае. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ключникова Е. А.

Однажды в Птопае. Книга 1 / Е. А. Ключникова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В далёком будущем вернулись: феодальный период и монархическое управление. Человечество поделено на касты. Главный герой - аристократ и красавчик основательно потрясёт устои дворца, и нарушит покой монарших особ. Эта книга о любви, чести и справедливости, где герои получают награду, а негодяи возмездие. Содержит нецензурную брань.

© Ключникова Е. А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Ева Ключникова

Однажды в Птопае. Книга 1

глава 1

Спрятанная хроника

Знакомьтесь: Артур Кэрроу – симпатичный молодой человек двадцати восьми лет – сероглазый, светловолосый и высокий.

Артур вырос единственным ребёнком в семье, а потому на него возлагалась огромная ответственность, как на наследника рода, продолжателя дела, владельца состояния и прочее, прочее, прочее. Отсюда в процессе, так сказать, «взращивания» к нему предъявлялись особые требования, в силу чего Артур стал ещё и очень воспитанным товарищем – настоящим бриллиантом, эталоном чести и достоинства!

Заслуга по обработке «камня» принадлежала его бабушке Уильяму Кэрроу. Методами шлифов... то есть, воспитания служили нравоучительные беседы, сравнения с благородными и достойными людьми, а также личный пример... и если не помогало, то физическое внушение в виде порки. А порол Уильям Кэрроу без дураков! Так как надо! Ремнём из свиной кожи, который висел на стене у входа в рабочую комнату архива. Стоило старику Уильяму сказать: «Артур, носи ремень...», и Артур сразу приобретал дополнительный блеск!

Впрочем, слава древним эльфам, последний способ воспитательной методы применялся крайне редко. Как правило, бриллиантовый Артур не давал поводов для порки, особенно последние три месяца, которые он сутки напролёт сидел в семейном архиве и читал хроники, написанные его предками. Целых пятнадцать поколений мужчин рода Кэрроу изо дня в день скрупулёзно записывали события, свидетелями которых являлись лично!

(Зачем они это делали? Да всё просто. Один из многоуважаемых предков Керроу необдуманно произнёс магическую клятву, которая обязала весь род Кэрроу в каждом поколении «поставлять» государству хотя бы одного историка-информатора. И отмазаться от навязанной профессии, согласно той же магической клятве, можно было только с позволения правителя страны.)

Сегодня, Артур откопал на полке с книгами странную хронику – доселе им невиданную, и не читанную!

— Ну ка, ну ка..., – вполголоса сам себе пробормотал молодой человек, рассматривая обложку из кожи змеи, окрашенную в мрачный зелёный цвет.

Вот уже месяц Артур ежедневно перечитывал хроники правления короля Гаса Одноглазого, который умер совсем недавно – каких-то восемнадцать лет назад. Незнакомая хроника была обнаружена им случайно, когда молодой человек снимал с полки «Первый брак Гаса на Эрике из рода Сонтана», и в просвете между книгами увидел чешуйчатую зеленую обложку, вернее её кусочек. Создавалось впечатление, что книга завалилась внутрь, там развернулась и встала поперёк, прижатая остальными книгами к внутренней стенке стеллажа... как-то так. Чтобы её вытащить пришлось вынуть около пяти хроник. Что не очень удобно, когда ты сидишь верхом на библиотечной стремянке под самым потолком архива.

Громадный архив рода Кэрроу утопал в темноте. Сияющий шарик светоча висел только над Артуром. Он направленно освещал тёмно-зелёную хронику и его почти девичьи, холёные руки. Молодой Кэрроу не знал физической работы. Единственные усилия, которые совершало его тело – это тренировки по фехтованию и бег по утрам (иногда). Род Кэрроу принадлежал к эшелону высшей знати и вёлся, страшно сказать, от первых королей!

В темноте у подножия стремянки пресмыкался сторож архива по имени Круф. Снизу на Артура с неистовым вожделением сверкал круглый и чёрный акулый глаз.

Круфи являлся магически созданным псом, ориентированным на охрану. «Смастерил» его эльф Лукан для непыльной работёнки – безжалостно рвать яйца всяким левым чувакам, кои (совершенно случайно!) могли заглянуть в архив. Внешне Круф походил на маленькую лысую гиену с головой белой акулы. Вместо шерсти прямо из кожи у него росли костяные, выпуклые бляшки, благодаря которым, пёсик был нечувствителен к боли и неуязвим для клинков, пинков, плевков и прочего поражающего оружия.

Собака встала лапами на первую ступень стремянки и твякнула один раз дискантом. Напомнила, как опасно сидеть на высоте вместо того, чтобы гладить живот питомцу.

— А тебя не спрашивали..., – лениво проговорил Артур.

Снизу раздалось недовольное фырчанье.

Молодой Кэрроу открыл хронику. Он ожидал увидеть небольшое повествование, обычно вводящее в сюжет, но обнаружил только несколько красивых иероглифов.

— Да ну, на..., – Артур перелистнул страницу и с облегчением перевёл дух. Слава Мирозданию, текст был написан на русском – одном из трёх государственных языков. Между прочим, молодой Кэрроу знал все три, и помимо них ещё с десятков, но иногда хроники, особенно внутрисемейные, писались на языке рода, что создавало дополнительные трудности для прочтения.

Артур начал читать.

«... В начале года Красного Вепря король Гас Одноглазый сделал предложение руки и сердца девице Элишии из рода Каулиц...»

Эту историю Артур знал, причём не только из хроник, но и благодаря личным детским воспоминаниям. Шестидесятилетний король Гас женился вторым браком на девице Элишии, которой было всего тринадцать лет, и через два года счастливой семейной жизни переехал в королевский склеп – сдох короче. Последняя королевская свадьба состоялась двадцать годочков тому назад – Артуру тогда было восемь лет. Время от времени он видел короля, когда навещал батюшку во дворце.

«... Условием для свадьбы дева Элишия поставила убийство дракона Закарии, снятие с него шкуры и преподнесение оной в качестве свадебного подарка невесте, в её безраздельное пользование...»

— Умная девочка, – вслух пробормотал Артур.

Круф под стремянкой опять тихонько скульнул – намекнул: не пора ли чесать живот?

— А ну, цыц, – в полголоса осадил наглую псину молодой человек.

«... Дракон Закария был последним из себе подобных. В год он ел по двенадцать непорочных дев, кои отсылались ему в качестве ежемесячной дани, что было тяжким бременем для всего рода человеческого. Также раз в год ему пригонялись коровы – четыре сотни, и овцы – десять сотен. При том он совершал налёты на города и поселения, где на улицах хватал упитанных горожан...»

Артур никогда не видел дракона Закарию. Может тот и совершал налёты на города и поселения, но столицу Птопай, где жили самые упитанные в государстве чуваки, почему то игнорировал! Зато, будучи ребёнком, юный Кэрроу наблюдал за маршировкой небольшого войска из рыцарей и их оруженосцев, которое Гас Одноглазый послал к драконьей горе.

«... Из прочих злодеяний, кои совершал Закария по отношению к людям, были: грабёж ферм и караванов, эпидемии и мор, а также мерзкое извращение девиц из королевского рода и прочих аристократических родов...»

Тут молодой человек в раскидку там и сям по тексту стал искать более подробное описание мерзких извращений, но нашёл только что «... девы драконом были очарованы и не сопротивлялись...».

— Преступление – умалчивать ценную историческую информацию! – возмущённо обратился «воспитанный» Артур к неизвестному автору хроники.

Круф под стремянкой повернул голову и направил свой акулий глаз в темноту архива. Через секунду он сорвался с места и скользнул под стеллажи. Артур своего одиночества не заметил – свет падал только на страницы раскрытой хроники, а Круфи был «запрограммирован» на тихое исчезновение и бесшумное подкрадывание.

Молодой человек продолжил читать.

«... Влюблённый король Газ принял условие своей невесты и отправил на убийство Закарии десять сотен рыцарей и столько же оруженосцев. Следом, с разницей в три дня, он отправил сотню кожевников для снятия шкуры с убитого дракона...»

(На тот момент Закария ещё был в здравии.)

«... В пятнадцатый день июня рыцари подошли к логову ящера. Закария не выходил из пещеры два дня. И все два дня рыцари без остановки по очереди трубили в рог. На третий день взбешённый дракон выбежал наружу, и началась битва, в которой подлый змей нашёл свою гибель! Голову же дракону отсек величайший рыцарь Хо Тайбай. Он же первым...»

— Эй! А где описание битвы? – Опять возмутился Артур.

«... Он же первым вошёл в смрадную пещеру дракона, где обнаружил неисчислимые сокровища, человеческие кости, мёртвую деву, перекушенную пополам и живого младенца мужского пола с надкушенной ногой. Сокровища отправили в казну, деву, не зная её сословия, похоронили как простолюдинку, младенца же рыцарь Хо Тайбай усыновил и дал ему имя – Шитао, и имя своего рода – Хо...»

Артур перестал читать, поднял голову и прищурился на серебристый магический светоч, висящий в полуметре над открытой книгой. Он хорошо знал рыцаря Тайбая. Этот мрачный неразговорчивый дядька, тёмный как старая древесина, был не кем-нибудь, а полковником и главнокомандующим элитного карательного «Отряда Охоты». Странно было читать хронику о ныне живущих людях. Вот оказывается у полковника Хо, который ещё в молодости дал обет безбрачия, есть приёмный сын без ноги, а королева Элишия уже восемнадцать лет как безутешная вдова... и правящая королева-опекунша!

Очнувшись от раздумий, молодой человек перевернул страницу. Здесь во всю длину разворота красовался Закария собственной персоной. Длинная драконья морда выражала безмерное удивление. Под брюхом монстра сновали крохотные рыцари на лошадях. В руках они держали мечи, пики и арбалеты. На горах, что служили фоном картинке, расселись празднующие зрители из числа кожевников и местных жителей – тех самых, что выращивали для Закарии коров и овец. А в качестве главных героев выступали Хо Тайбай и мужик с книгой в руках. Этого мужика Артур определил, как непрофессионального автора хроники. Ростом оба товарища были в три раза выше своих соплеменников. Хо Тайбай поднял руку с мечом во взмахе, а свидетель событий взирал на это с восторгом и благоговением. Меч в руках полковника отряда охоты был несоизмеримо мал по сравнению с толщиной шеи Закарии и Артур вдруг задумался. А можно ли мечом такого размера с одного раза отсечь драконью голову? Как бы ни так! Разве что долго перерубать шею частыми ударами, медленно вгрызаясь в плоть. Очень похоже на то, как дровосек с перерывами на отдых рубит баобаба... Вряд ли Закария послушно выполнял роль баобаба!

— Странно это..., – вслух произнёс молодой человек и погладил пальцем изображение последнего дракона.

— Что именно? – Откликнулось сумрачное пространство архива деловитым голосом отца.

(Именно его учуял Круфи и умчался поприветствовать.)

Артур вздрогнул. Любимый отче имел привычку неслышно забредать в архив по делам и прятаться где-нибудь между стеллажами. Делал он это, разумеется, из лучших побуждений – дабы не отвлекать чадо от чтения и пытливых раздумий.

— Пальцем в страницу не тычь! Забыл? – Напомнил папаша Уильям. – Любая страница любой из хроник в три раза дороже, чем твой палец! – Зловеще хрипел из темноты его голос. Это означало, что батюшка где-то рядом и зрит сына воочию.

Артур же, с высоты своей стремянки, сколько ни вглядывался по галерейному туннелю и рядам полок, так и не смог увидеть старика.

— У меня тут хроника с китайскими иероглифами на титуле, написана на русском, – бросил он клич в сумерек.

— Ах вот, что ты читаешь, – задумчиво откликнулся батюшка. – Нашёл изображение Закарии?

— Да-а...

— Оно не верно! Круф, отдай тапок...

— Почему? – Спросил Артур, несколько не удивлённый.

— Хозяин хроники Ли Чжун Ки, мой ученик и друг. Ты должен его помнить. Иероглифами написано его имя. Автор гравюры рисовал Закарию по словесному описанию Чжуна, а тот к этому времени был болен и в бреду! Изъяснялся он отдельными фразами, кои иногда было трудно понять, а по сему, художник был вынужден э-э... домысливать внешний вид дракона.

— И что стало с этим Ли? Он выздоровел?

— Он умер!

— Вот как! – Прошептал Артур, рассматривая мужика с книгой. Через минуту он спросил. – А можно ли, исходя из болезни этого Ли, сделать вывод, что вся хроника не верна?

Ответом ему было едва уловимое дыхание вентиляции, нагнетающей воздух.

— Отец? – позвал Артур.

— Ступай в кабинет, – кратко булькнуло в темноте.

Артур зажал книгу подбородком и полез со стремянки вниз. Светоч, как привязанный, лениво тронулся следом.

Рабочая комната, та самая, при входе в которую висит ремень, являлась неким сосредоточием всей «кипучей» жизни архива. В ней изучались материалы, писались и переписывались хроники, а также письменно сохранялись страшные секреты! Ещё старший и младший Кэрроу иногда здесь спали подальше от заботливой опеки мадам Кэрроу..., но это так, частности.

— Бросил меня, Круф, – Артур наклонился и погладил плоскую голову собаки, которая уже сторожила под дверями кабинета. В зубах Круфи держал, заслюнявленный, отцовский тапок. Артур не стал отбирать у собаки её трофей. Как показал предыдущий опыт, лучшим способом что-либо отобрать у Круфика, было не отбирать это вовсе!

— Ладно, ладно, прощаю, – молодой человек открыл дверь. Папаша уже сидел внутри и строго взирал на сына от письменного стола. С десяток светочей вольно парили под потолком.

— Иди быстрее, плетёшься, как в пятки раненый! – встретил Уильям Кэрроу сына нелюбезной фразой.

Рабочая комната только казалась маленькой. На самом деле это был визуальный обман, созданный великим архитектором и дизайнером Штайнером сто пятьдесят лет тому назад.

— Ты Круфа тапками кормишь? – ехидно спросил сынок, направляясь к одному из двух кресел, которые назывались: кресла для приятного собеседования.

Отец хмыкнул. Поджал босую ногу под стул. Поверхность стола перед ним была завалена рукописями, хрониками и всякими мелкими предметами, претендующими на некую историческую ценность. За его спиной вплотную друг к другу висели портреты всех свидетелей событий, рода Кэрроу. Картины были подвешены к потолку на длинных, прозрачных тросиках и создавали иллюзию непроеходимой стены. На самом деле это была просто ширма, разделяющая

пространство кабинета. За портретами были спрятаны запертые шкафы, сундуки и сейфы с хрониками на которых стоял гриф – секретно!

— Ну и...? – Напомнил старик.

— Да... – Артур сел, закинул ногу на ногу и открыл принесённую с собой хронику Чжуна на гравюре с Закарией. Вполголоса он пробормотал. – Я совсем его не помню...

— Кого?

— Этого Чжун Ки. Что делает его хроника в нашем архиве?

Уильям задумался, потом с тяжким вздохом начал рассказ. – После того, как его Величество пожелал жениться ещё раз, я имел неосторожность изъяснить протест в письменной форме, где указал на несоответствие возраста жениха и невесты, а также выразил беспокойство по поводу возможности короля... э-э-э... исполнять супружеский долг.

— Ты нарушил присягу! – пришёл в изумление Артур.

— Да так. Я всё объяснил волнением по поводу ухудшения его здоровья в связи с предстоящим браком. В ответ «Одноглазый» написал приказ, в коем я должен был отправиться к драконьей горе вместе с рыцарями в качестве свидетеля событий на время похода. Ли Чжун Ки в то время являлся моим заменяющим в должности личного историка-информатора при короле, на случай моего непредвиденного отсутствия. Во-от.

Уильям опять издал длинный тяжкий вздох и продолжил.

— Ему было всего двадцать пять лет. И конечно я не мог попросить его об одолжение: вместо меня сходить и посмотреть, как убьют дракона. Бедный мальчик сам отправился к королю и предъявил требование о замене. Он имел на это полное право. Я подарил ему чистую хронику. Эту самую, которую ты держишь в руках. В итоге он не написал в ней ни строчки.

— Ка-ак?!

— Все записи и зарисовки сделаны одним вольно-фантазирующим романистом со слов Ли Чжун Ки. От драконьей горы мой Чжун вернулся (горький вздох) смертельно больным. У него был сильнейший тремор рук. Он не мог писать... Чуть позже хроника попала ко мне, и я сохранил её, как память.

— Жаль. Мы не будем знать, как выглядел последний дракон, – опечалился младший Кэрроу.

В ответ Уильям загадочно усмехнулся.

— Надо было расспросить кого-нибудь ещё-ё, – заныл Артур. – Кого-нибудь из рыцарей или кожевенников, или оруженосцев!

— Некого было спрашивать.

— Почему?

— Большая часть рыцарей и оруженосцев погибли в битве. Ты же не думаешь, что Закария терпеливо ждал, когда ему отпилят голову? Те, что остались в живых, скончались от ран в дороге, или как Чжун – уже вернувшись, когда спасение, казалось, было близко. Кожевенники сняли шкуру и доволокли её до холма «Пристань», где бросили её и разбежались в разные стороны. В течение одной недели эти бедолаги один за другим ушли к истоку Мироздания от драконьей лихорадки. Гас выслал за шкурой новый эскорт. Ребята притащили её непосредственно к поместью Каулицев. Когда Элишия увидела свой свадебный подарок, она упала в обморок, в котором находилась семь дней. Подводя итог, можно сказать, что у нас не осталось ни одного человека способного описать события у драконьей горы. Эта недостоверная хроника – всё, что мы имеем.

— Стоп..., – Артур поднял указательный палец. – Хо Тайбай... Он жив. Я видел полковника три месяца назад... у него отличный здоровый цвет лица... Или это не он порешил Закарию?

— Никто не знает. Но принято считать, что он. Лично я этому верю. Хо Тайбай человек чести. Если он не отрицает своей роли, значит, так оно и есть.

— Но точно мы не знаем?

— Да, так.

— А спросить?

— Я спрашивал. Но, поскольку во время похода присутствовал историк-информатор, полковник Хо имеет право хранить молчание, что он и делает вот уже двадцать лет. На любой вопрос о Закарии он посылает ... к свидетелю событий. А когда ему поясняют, что историк-информатор умер, полковник неизменно отвечает, что это не его проблема. Впрочем, есть факт говорящий в пользу того, что Хо Тайбай является тем, кто убил дракона.

— Какой?

— Эльфы. Они его ненавидят. Закария был их друг, почти бог. Представь: вот я кого-то убил, но свидетелей этому нет. А друг убитого или родственник спрашивает меня – моих ли это рук дело? Как думаешь, я бы отрицал преступление?

Артур поводит очами и после утвердительно кивнул.

Уильям поднял вверх указательный палец. – А Тайбай не отрицает! Он просто молчит, хотя разумней сказать – это не я.

— Ясно. А этот ребёнок, которого он усыновил... с откушенной ногой, – Артур заглянул в хронику. – Шитао...

Уильям Кэрроу пожал плечами. – Умер, наверное. И вообще, а был ли мальчик? Если хочешь, спроси у полковника сам.

— Ладно, что потом? – Спросил Артур, который и так знал, что было потом, но очень любил слушать повествования своего старика.

— Почитай хронику, – усмехнулся старший Кэрроу.

— Да ладно тебе, расскажи вкратце, – занял младший.

— Дальше было всё обычно. Поскольку Одноглазый выполнил условие, Элишия дала согласие на брак. Через год и три месяца королева зачала. Ещё через восемь месяцев король Гас внезапно для всех скончался от неизвестной болезни, и через две недели после его смерти Элишия родила принца Хенрика.

Тут Артура посетила нескромная мысль, но поскольку тема его очень волновала, он её озвучил. – И что ... в этом возрасте... Одноглазый мог... зачать?

— А вот это нас это не касается! – Отец стал серьёзен. – Ты же не хочешь быть уличён в государственной измене! Факты подобные этому нельзя подвергать сомнению. По крайней мере, вслух

— Д-да...

Хенрик был младше Артура на десять лет. До его рождения Артур посещал королевский дворец в качестве преданного друга принца Кассия – сына Одноглазого от предыдущего брака. Когда Хенрику исполнилось пять лет, Кассий таинственным образом из дворца пропал, и местонахождение первого наследного принца по сию пору оставалось неизвестным. Артур же, по указу вдовствующей королевы Элишии, плавно поменял статус. Из друга для первого королевского сына он перешёл в наставники для второго. Всё было хорошо, пока Хенрик сидел во дворце и не проявлял интерес к окружающему миру. Однако, перейдя порог семнадцатилетия, его Высочество заявил, что хочет знать, как живут его поданные посредством личного общения с ними. Элишия сочла это разумным и даже умиляющим и наняла сыночку телохранителя – лейтенанта Отряда Охоты – Тецуя Рюйдзаки, по кличке Проклятый Рюй. Некоторое время всё было вполне пристойно – Рюй учил наследника фехтованию и выполнял функцию охраны во время познавательных экскурсий принца. Затем через некоторое время Артур счёл необходимым написать её Величеству ряд честных докладных записок приблизительно с таким текстом: «...Ему кажется, что влияние лейтенанта Рюйдзаки на наследника престола более негативно, чем предполагалось...», «...Жестокость младшего офицера Отряда Охоты импонирует врождённым качествам принца...», «...Желательно ограничить по времени общение

принца Хенрика и его телохранителя!», «...сократить общение принца и Рюя до минимума...», «Немедленно заменить телохранителя!»

Элишия сделала попытку перевести проклятого Рюя в приграничное подразделение Отряда Охоты. Хенрик заявил, что будет голодать, пока ему не вернут Тецуя. Любящая мамочка сутки пробыла в истерическом раздумье, и в итоге лейтенант Рюйдзаки остался, и в Птопае, и в телохранителях у его Высочества. Артур же в качестве протеста официально отказался выполнять свои обязанности наставника и вот уже почти три месяца читает архивные хроники у себя в поместье. К тому же он был обвинён самим принцем в предательстве и доносах!

Вспомнив Тецуя, Артур до боли в зубах стиснул челюсти. Проклятый Рюй родился в трущобах под мостами и воспитывался в военизированном приюте для мальчиков. Артур Кэрроу плохо представлял себе, что такое приют с военным уклоном. Судя по внешности и привычкам Рюйдзаки, наверное, это был ад крошечный!

— Я помню Гаса в средних летах, – рассуждал Уильям Кэрроу. – Сын, ты меня слушаешь? Артур, сидевший с мрачным выражением на лице, кивнул.

— Внешне Хенрик похож на Элишию, но он точно унаследовал характер своего папаши и его пороки...

— Но не достоинства, – угрюмо пробурчал Артур.

— У Гаса не было достоинств, – откликнулся Уильям. – Единственным достоинством Одноглазого, был его здоровенный член... и ещё избавление людей от Закарии.

— Ты видел его? ... Эй, я про дракона! А ты что подумал? Отец, да ты что?! – Захотел вредный мальчишка, наблюдая, как выкатываются очи почтенного и благородного сэра Уильяма.

— Я видел, – пропыхтел старик. – ... И то и другое!

— Ты видел Закарию? – Артур перестал смеяться.

Под потолком бестолково заметались светочи, Круф за дверь стал шкрябать когтями наличник.

Уильям Кэрроу, глубоко сосредоточенный, встал и отправился за ширму из портретов.

— Я дам тебе одну хронику, – донеслось до Артура вместе со скрежетом крышки от сундука.

Поскольку Артур Кэрроу ещё не принёс присягу историка-информатора, то согласно кодексу цеха историков, он не имел права посещать секретный архив. Но не посещать – это не значит: не читать запрещённых хроник! Теоретически, читая какой-либо шедевр, ты можешь и не знать, что за полчаса до этого он лежал в сейфе. Боле того, секретность некоторых хроник определялась непосредственно хозяевами этих хроник! А потому молодой Кэрроу время от времени, как сейчас, просто сидел и ждал когда папаша сбегает за портреты и нароем там что-нибудь интересное. Таким образом, Артур, ещё не находясь в официальной должности свидетеля событий, уже читал такие засекреченные перлы как: «Пять отличий эльфа от человека»; «Любовные приключения королевы Изабель и рыцаря Александра» – жуткий разврат(!); «Подземные галереи Птопая»; «Огнестрельное оружие до Эпохи Перемен»; «Техногенное развитие человечества до Эпохи Перемен». А также сонеты его пра-пра-пра-прадеда Орсо Кэрроу, который увлекался стихосложением, но почему то стеснялся об этом рассказывать, и все свои творения прятал в сундуке.

Пока старший Кэрроу вёл раскопки в секретном архиве, Артур беспечно блуждал взглядом по мебели и стенам кабинета.

Все стены рабочей комнаты, кроме той, за дверь которой сидел аculoобразный и гиепоподобный Круфи, были иллюзорными. Кроме уже упомянутой стены-ширмы, были стена-лабиринт и стена-свет. Эта последняя, представляла собой разноцветную, объёмную панораму.

На ней над волнами океана зависала странная металлическая конструкция известная в истории, как подводная лодка. Волны ритмично колыхались, лодка то всплывала, то погружалась.

За панорамой имелся небольшой каминный зал с ковром и кушеткой, на которой, согласно семейным преданиям, зачинались некоторые великие историки-информаторы рода Кэрроу – в том числе и сам Артур. Да-да, когда то молодой папаша Уильям Кэрроу, в силу неких срочных обстоятельств, не вылезал из архива день и ночь, а его только что обретенная супруга приносила ему обед или ужин. Иногда она приносила ему себя... Теперь уж матушка в архив не спускается – Круфу она почему-то не нравится.

— Вот, – подвёл итог старик Уильям, появляясь из-за портретов и выкладывая на стол предмет своего изыска – красивую хронику в обложке из молодого бамбука.

Артур подошёл к столу и спросил. – Кто автор?

— Автор стоит перед тобой, – Уильям отвесил чуть насмешливый поклон.

Артур, под внимательным взглядом отца, взял книгу в руки. Датировалась она годом одна тысяча семьсот пятьдесят девятым от начала Эпохи Перемен. То есть была написана уже после рождения Артура. Если точнее ему было три года. История называлась «Путь влюблённого».

Это была гравюрная хроника. Книга, в которой не делались записи с упоминанием дат и подробных событий. Как правило, автор хроники детально запоминал происходящее и рисовал гравюры только лишь для освежения собственной памяти в процессе течения времени.

Уильям Кэрроу неплохо рисовал и мог позволить себе подобное произведение.

На первой странице открытой книги красовался портрет юной девы – в полный рост, в чёрном кимоно-фуриisode, кое было разрисовано белыми, розовыми и золотыми цветами вишни.

— Её звали Ацуко. Ацуко из рода Аканиши, – прокомментировал старик и громко задышал.

Артур с интересом покосился на отца. На самом деле было, отчего дышать. Ацуко была чудо, как хороша! Если конечно батюшка не приукрасил её! Дева являлась обладательницей вытянутого, правильного овала лица, больших миндалевидных очей, точёного носа, и пухлых губ, с уголками поднятыми вверх. Волосы Ацуко – чёрные до синевы, были гладко зачёсаны назад и стянуты тяжёлым узлом на затылке.

— Тонкая, – заметил младший Кэрроу.

— Да так, – хрипло откликнулся старший.

— Кто она?

— Одна из непорочных дев для Закарии...

— И что он с ними делал? – Решил уточнить Артур, вспомнив, про «... мерзкое извращение девиц из аристократических родов».

— Ел!

— И больше ничего...? – Глаза молодого человека со сдержанным любопытством смотрели на папашу. Уильям Кэрроу, сообразивши, куда клонит сынок, стал сводить брови.

— Как ты себе представляешь подобное ... в плане физиологии?

Артур покраснел и потрогал кончик носа. – Я не понял, ты про что? – Спросил он невинным голосом.

— Ах ты! – Уильям вскинул руку для хорошей затрещины.

Артур с хохотом прикрылся книгой.

Уильям Кэрроу отобрал хронику и перевернул сразу несколько страниц.

На той, что открылась, было изображён зверь наподобие здоровенной, раскормленной и шерстяной змеи, которой снизу приделали четыре мощных лапы, а сверху крылья. Мордой, дракон шибко смахивал на собаку. От темечка до хвоста, по всей длине позвоночника торчали внушительные гребни и шипы. Цветом, ящер был тёмно-синий с узором из золотых и голубых пятен. Общее впечатление можно было охарактеризовать, как величественное и... пушистое,

потому что на пузике дракон имел что-то наподобие меха. Изображение Закарии разительно отличалось от того что Артур видел в хронике Ли Чжун Ки.

На этой гравюре дракон стоял на трёх лапах и в четвёртой держал пониющую Ацуко. Над девой, которая судя по всему, пребывала в глубочайшем обмороке, нависала очень милая морда. Внизу у самых лап дракона, вскинув руки вверх, стояла неопределённая личность и Артур ткнул в неё пальцем. – Это кто?

— Это-о-о... твой любящий отец, – Уильям лукаво прищурился на сына.

— Ты-ы! – Завопил Артур. – Так близко!?

— Совсем рядом, – снисходительно согласился Кэрроу. – Имел возможность вести беседу...

— С этим маньяком!!

— Говори тише, ты меня оглушил. Он не маньяк. Он утверждал, что сожалеет о них всех, но ничего не может изменить. Говорил, что это есть необходимое зло, навязанное ему людьми. Он показался мне мудрым и печальным, а ещё немного уставшим и очень одиноким. Он был обрадован собеседнику, расспрашивал о новшествах, и о том, как быстро плодятся люди, и есть ли у меня дети.

— Спросил про меня? – Удивился Артур.

— Ну, сначала не конкретно. А когда я сказал, что имею сына и назвал твоё имя, он предрёк твоё величие.

— ... Пошутил, наверное...

— Вовсе нет. Драконы наивысшие магические существа... то есть, теперь уже нет. Драконов больше нет..., жить стало проще..., эльфы обособлены... э-хе-хе, берегут остатки магии. Признаться, сын, двадцать лет назад вдруг стало всё не так, – отец печально замолчал.

— Наверное, его было не очень трудно убить... он снизу вроде бы мягкий.

— На самом деле живот драконов защищён более всего.

— Что там – чешуя? Доспехи?

— Магия, – устало откликнулся сэр Уильям. – Некое магическое заклятье, которое позволяет убить дракона только через отсечение головы. Другими словами сколько бы раз ты не выпускал ему кишки – дракон не умрёт! Бить его в живот бесполезно.

— Вот как? – Удивился Артур и полез пальцем погладить Закарию по гребню.

— Отрежу пальцы, – мрачно напомнил Уильям.

Артур усмехнулся, кивнул головой..., палец убрал.

— Девчонок всё равно жалко! – укорил молодой человек дракона на гравюре.

Уильям Кэрроу спокойно пояснил – Закария обещал мне, что Ацуко умрёт легко и даже приятно! Он не любил мучить. И ещё он чувствовал мою собственную муку... Видишь ли, я был влюблён в неё.

Артур поднял голову и пристально посмотрел в отцовское благородное лицо.

— А мама! – воскликнул он с лёгкой укоризной.

Старший Кэрроу смущённо отвёл взгляд. Пояснил. – Очень красивая, талантливая и умная девушка была... Дорога заняла две недели. Родичи и слуги провожали её только до Драконьей горы. А в гору к логову Закарии мы поднимались вдвоём. Я малодушно предлагал ей потерять девственность и таким образом избежать смерти... Она отказалась. Сказала, что это честь для неё – служить Закарии несколько дней и быть его жертвой. Она была абсолютно права. Моё опрометчивое желание могло принести весьма горькие плоды. Закария мог взбеситься! Что грозило страшными бедами для людей. Но Ацуко была благоразумная девушка и сказала мне: нет! Позже я сожалел, что отпросился у короля присутствовать на обряде и свидетельствовать её последние дни жизни. Вот так.

Артур кивнул.

— Ладно, сын, я пойду.

Артур опять молчаливо кивнул.

Уже у самых дверей сгорбленный Уильям Кэрроу обернулся. – Я показал тебе эту хронику только потому, что счёл тебя достаточно взрослым для понимания. Не осуждай... – печально попросил он.

глава 2

Невинные развлечения

Столица Государства Перемен – Птопай располагалась на пяти холмах предгорья Атланта. На вершинах холмов, которые в простонародье «обзывались»: Поднебесная, Небосвод, Вышка, Высотка, жили так называемые небожители – аристократы из высшего эшелона знати, а также королевская семья и их ближайшие родственники. Эти товарищи носили на шеях платиновые и золотые циклопы. На склонах холмов или «Ступенях» жили люди попроще – из средних каст – относительно состоятельные простолюдины. Их циклопы были из серебра и меди. И наконец, в низине между холмами прозябали чёрные шудры – рабы и изгои – простонародное быдло с железными и оловянными циклопами на шеях.

Родовое поместье Кэрроу находилось, естественно, в Поднебесной, на холме «Венечном» в двух шагах от королевского дворцового комплекса. Из окна спальни Артура был виден склон соседнего холма «Валун». А из окна гостиной на другой стороне усадьбы можно было любоваться готикой центрального дворца.

Вообще готика в Поднебесной повсюду!

В своё время она создавалась по проектам эльфийских архитекторов и с помощью их же магии. А эти бледнолицые товарищи оказались большими любителями готики, кою сами же когда то давным-давно и внедрили в культуру средних веков.

(В понимании Артура – Средние века, это исторический период, где-то между рождением тогдашнего бога людей – Иисуса и началом Эпохи Перемен.)

Принято считать, что великодушная и развитая эльфийская раса бежала, гонимая мечами и пиками, которые азартно тыкали в них люди. Бедные эльфы ушли «наги и босы», бросив свои оберегаемые земли и выхолненные уголья. Следует, однако, помнить, что оставив людям повсеместно обширную территорию и своё благосостояние, кое-что они всё-таки забрали.

Не догадываетесь, что именно?!

Магию они забрали! Некую неуловимую субстанцию, способную создавать чего-нибудь из ничего, а также лечить, превращать... короче творить чудеса, столь милые ленивому человеческому сердцу.

Понятно, что всю магию забрать не удалось. Остатки её, смущая умы, летали там и сям, кое-где лежали забытые магические предметы, и даже бегали несколько одичавших драконов, которых забыли в суете, и которых позже люди убили во славу рыцарских подвигов.

Вследствие отсутствия магии, люди стали эволюционировать техногенно, что привело к истощению планетарных ресурсов.

Когда эльфы вернулись, а вернулись они вынужденно в силу неких неизбежных обстоятельств, то обнаружили весьма плачевное состояние остатков человеческого общества на фоне обезвоженных пустынь и кратерных провалов.

Добрые эльфы прослезились, извинились, и принялись обустривать планету заново.

Птопай был основан тысячу лет назад и изначально это был эльфийский город. В то время он назывался Сай Ирджери – Луна из Серебра. Люди ходили в Сай-Ирджери на консультации по правильному обращению с магией или попрошайничать. Вроде: «Дайте ещё немножко магии – вы же такие добрые...».

Эльфы предпочитали жить на вершинах холмов – поближе к веющим магическим потокам. Жилища отстраивались согласно эльфийским представлениям о прекрасном, а это как уже упоминалось – готика.

Через двести лет после основания Сай-Ирджери, люди стали заселять склоны холмов, так сказать, поближе к своим благодетелям.

Эльфы к «вторжению» отнеслись равнодушно, мол, да и хрен с вами, место всё равно пустует. А дабы не спускаться на загаженную людьми территорию, эльфийские строители перекинули мосты от одной вершины холма к другой.

Мосты были белые, ажурные, и визуально невесомые, короче прекрасные.

Люди восхитились и... тоже понастроили неоправданно огромное количество тяжёлых мостов – от склона к склону, с опорами из бетона и прония. Низменность между холмами предсказуемо попала в сумеречную зону – мосты перекрыли шестьдесят процентов солнечного света!

К тому времени в «Низине» были выстроены производственные цеха и цеха жизнеобеспечения для «Ступеней», а также жилые кварталы для тех, кто в этих цехах работал. Окончательный внешний вид, теперь уже Птопая, сформировался около трёхсот лет тому назад. Тогда же произошёл незаметный захват эльфийских дворцов и вытеснение их законных хозяев с вершин.

История, как говорится, повторилась. Вот только теперь бежать эльфам было некуда...

Нынче все птопайские эльфы заключены в гетто, которое называется Сай Ирджери. Был большой Сай Ирджери, стал маленький Сай Ирджери. Эльфов всё равно мало! Пусть радуются, что вообще не выгнали. Понаехали ить!

* * *

Небольшой клуб «Крысятник» располагался в пятом торговом квартале Низины. Несмотря на название, это было вполне приличное заведение для молодых людей из семей мелких торговцев и управленцев младшего звена. При требовании предъявить удостоверение кастовой принадлежности эти ребята гордо демонстрировали «циклоп» из тонкой медной пластины. Простолоудины, но не... рабы!

Стабильный приток клиентов в «Крысятник» обеспечивали миловидные девы, умеренно подкрашенные и без нижнего белья. А также мелкие предметы, которые падали со столов и подносов, и за которыми эти самые девы медленно наклонялись, не сгибая коленей, а то и раздвинув ножки.

Здание клуба, как и большинство домов в Низине ушло глубоко под землю. На трёх его уровнях посетителей ждали: ресторан, несколько баров, арена, стрипзал и наконец, публичный подвальчик со специальной программой удовлетворения драгоценного клиента.

В восемнадцать часов дверь «Крысятника» распахнулась и пропустила внутрь компанию молодых людей из семи человек. Первым уверенно шагал тощий молодец роста чуть выше среднего и лет чуть за двадцать, в лёгких латах из прония, при мече и с нашивками лейтенанта карательного Отряда Охоты. Имя ему было Тецуй из рода Рюйодзаки или Проклятый Рюй...

Около десятка уже присутствующих молодцов, заметив его скуластую бледную рожу, расписанную старыми и свежими шрамами, поспешно расплатились и покинули заведение.

От трёх и до восемнадцати лет Рюй жил и воспитывался в военизированном приюте для мальчиков. Из приюта он вышел уже в чине младшего лейтенанта. По рекомендации приютского начальства Рюйодзаки был принят в элитный карательный Отряд Охоты, а всего лишь через год служения, ему было присвоено звание лейтенанта. За выдающиеся заслуги! Ещё через четыре года он провёл сто двадцать конкурсных боёв на мечах, в которых выиграл долж-

ность личного телохранителя принца Хенрика! На сегодняшний день Проклятому Рюю не было равных в искусстве фехтования!

Компания, ведомая Рюем, миновала ресторацию, две барные стойки, арену, и направилась в большой стриптизный зал.

Сразу за Тецум держался блондинистый молодой человек, окружённый некой аурой поклонения, которое демонстрировали его спутники. Этот замечательный блондин с узким сухим лицом и маленькими голубыми глазками на самом деле являлся несравненным принцем Хенрикусом Эрлингом! Разумеется, принц постарался замаскироваться под местное низкокастовое быдло. В целях этого он облачил своё царственное тело в драные джинсы и пуловер ручной вязки. За сим маскировка закончилась – сбоку болталась шпага с позолоченным эфесом, а на ногах его Высочество имел мягкие туфли из натуральной кожи, сделанные на заказ. Светлые волосы по благородному были закручены в пучок, из пучка торчала золотая шпилька.

И ещё... у Хенрика не было «циклопа».

Только несколько человека в Птопае могли позволить себе отсутствие удостоверения кастовой принадлежности: «Дабы не унижать королевское достоинство пребыванием в касте, но стоять выше неё». Кроме принца Хенрика той же привилегией обладали: её Величество королева Элишия Эрлинг, пропавший принц Кассий Эрлинг и ещё кое-кто из ближайших родственников королевской семьи. Вместо «циклопов» все правители Государства Перемен и их наследники носили королевские перстни на большом пальце правой руки. Оный перстень там и находился. Хенрик не стал его снимать перед прогулкой по Низине.

Рядом с его Высочеством вышагивал ещё один примечательный молодой человек, буквально ослепляющий своей нечеловеческой красотой. Звали его Клаус Тигер, и ещё год назад он был оперной звездой «Королевского театра Оперы и Балета». Приблизительно тогда – же Хенрика с матушкой занесло на премьеру нового шедевра маэстро Лоренца, где Клаус ярко блистал в главной женской роли. Всю оперу Хенрик просидел с открытым ртом, заметно оживляясь при появлении прекрасной оперной дивы, которая ещё и танцевать умела неплохо. Сразу после представления бедного Клауса вывезли из театрального жилого корпуса при опере, где он жил и учился с семи лет, и в наилучшем виде (то есть связанным, заgrimированным, в ролевом костюмчике) доставили в постель его Высочества. Уже там (в постели) выяснили половую принадлежность Клауса и тот на радостях был готов бежать в родимый театр, но... Хенрик решил, что такой красивый пацан тоже сойдёт и оставил мальчишку себе.

Через месяц королева Элишия узнала о том кто лежит в кровати у любимого сына. Был небольшой конфуз, мамаша извинялась перед придворными и ругалась с чадом. Тигер опять мечтал о свободе и театре, но Хенрик уговорил матушку и Клаус таки остался с ним.

Судьба...

Маэстро Лоренца по сей день льёт горькие слёзы по поводу утраты своей звезды, и заваливает письменными жалобами администрацию при королевском дворе.

За принцем и Клаусом, прикрывая их тылы, шагали трое молодых людей из аристократической тусовки принца. Звали их Яков, Гектор и Фабий. В отличие от Хенрика эти молодцы не маскировались и явились в клуб при полном параде: натуральный шёлк, натуральная кожа, драгоценные камни и всё такое прочее. На боках бряцали шпаги, на шеях в золотых цепях качались золотые же циклопы. Отсутствие маскировки могло свидетельствовать об их безудержной храбрости, ибо в Низине страсть как не любили «золотую молодёжь», но на самом деле высококородные кореша наследника черпали свою уверенность в присутствии Рюя и его приютской банды, которая на данный момент тусовалась у дверей клуба.

Замыкающим в компании, как раз и был один из них – Хокки Ют. Широкоплечий и белобрысый здоровяк, уродливый как гoblin из полицейской охраны. Ходили слухи, что папаша Хокки и впрямь был гоблином. Сегодня Хокки отводилась почётная роль связного между компанией принца и парнями у дверей клуба.

Появление в клубе его Высочества со товарищи, разумеется, не осталось незамеченным! Уже через минуту после того, как надменная рожа принца «засветилась» на экранах камер слежения, в корпусе администрации случился небольшой переполох. Бегом доложили управляющему Борскому, что вот, мол, несравненный «Хренник» снизошёл с Небосвода в их ничтожное заведение!

Борский Кирилл Александрович (для девочек Кирюша), мгновенно организовал стихийное собрание для охраны и обслуживающего персонала, где первым делом запретил называть Хенрика «Хренником». По крайней мере до тех пор, пока «Хренник...» тьфу(!) Хенрик не соизволит покинуть заведение!

Под нервный хохот присутствующих Кирюша сам себе отвесил пару осторожных пощёчин – за оговорку.

Дальше. Запрещалось вмешиваться в конфликты, будь они созданы самим принцем. Запрещалось вмешиваться в какие-либо действия принца. Запрещалось выказывать внешнее недовольство поступками принца (а так же его сопровождающих), и наоборот рекомендовалось: улыбаться, соглашаться, и всячески содействовать, неважно, что он там натворит. Вмешательство со стороны охраны могло быть только в одном случае! А именно если жизни и здоровью наследника будет угрожать реальная опасность. Что казалось маловероятным, при наличии рядом с «Хреном» Проклятого Рюя!

Три стены в комнате охраны были заняты экранами от камер слежения. В «Крысятнике» не было ни одного места, куда бы ни проникало видеонаблюдение. Ещё пять лет назад камера висела только при входе в клуб, но потом некоторые несознательные клиенты взяли моду вешаться в туалетах, а некоторые несознательные маньяки стали резать девочек в их комнатах прямо во время удовлетворения драгоценного клиента. Кирюша уговорил хозяина потратиться на видео, и понатыкал его во все дырки, в том числе в каждый туалет и в каждый интимный будуар. Посетители, разумеется, об этом не знали. Зато охране стало жить очень и очень весело!

Единственным недостатком видеонаблюдения было отсутствие записи – изображение передавалось, но не сохранялось. Так вот, согласно, беспристрастному свидетельству камер, принц и его сопровождающие неуклонно приближались к большому стрипзалу, где на тот момент на подиуме у шеста раздевалась «Скромница Хайне».

На сцене у Хайне была роль скромной и неумелой девы. У шеста она танцевала скованно и неловко, пуговки расстёгивала дрожащими пальчиками, краснела, отворачивалась... Весёлая публика улюлюкала и хохотала. Наконец, какой-нибудь нетерпеливый товарищ громко предлагал помочь с процессом и Хайне соглашалась. Здесь начиналось самое интересное. Клиент залезал на подиум и приступал к раздеванию, а девушка всячески не давалась! Она брыкалась, ускользала и отпихивалась. Бывало так, что на помощь к первому выползал кто-нибудь ещё... Всё это безобразие сопровождалось взвизгами стриптизёрши и хохотом публики. Короче, процесс раздевания Хайне был необычайно увлекателен, разнообразен и никогда не надоедал.

На момент появления в зале компании принца, Хайне как раз стыдливо тёрлась попой об шест. Краем глаза она отследила новых посетителей. Ведомые необычно услужливым официантом, они прошли рядом с подиумом, по очереди поднимая к ней лица.

С дрожью в коленях Хайне отметила проклятого Рюя и Хокки Юта, которых отлично знала. (Кто ж в Низине не знал Рюя и его упырка-Хокки?!) Принца девушка оставила без внимания, на её взгляд он был серый и неинтересный. Мысленно она обозвала его – плесень... Красавца Тигера она правильно определила как товарища, который в девах не заинтересован, а наоборот, составляет им конкуренцию! А вот аристократы вызвали у Хайне неподдельный интерес! Тем более, что не каждый день такие шикарные птицы залетали в их заведение. Про себя она решила, что непременно затащит одного из них на подиум!

Хенрик и компания расположились за столом прямо напротив сцены. Это был один из лучших столов. Ещё минуту назад он был занят Питером Ригли, и его другом Максом с подружками, но официант за считанные секунды уговорил компанию найти себе другое место. Опять же за очень короткое время стол был до блеска зачищен от следов пребывания за ним Ригли и Макса, и ещё через минуту заново сервирован.

Так вышло, что как раз Хайне, в силу обстоятельств, оказалась не в ведении происходящих событий. Официант снизу взволнованно подавал ей знаки, но расшифровать их девушка не смогла. Мозг Хайне давным-давно переместился в область между ног. Все предупреждающие сигналы она соотнесла с Рюем и Хокки Ютом.

Стриптизёрша подавила в себе страх, вызванный присутствием этих двоих, и продолжила выступление. Получалось как-то вяло, без обычной интриги. Новоприбывшие сидели с тусклыми лицами. Выступление Хайне им было не интересно.

От одного из столов донеслось. – Хайне, помочь раздеться? Зал поддержал смельчака одобрительным гы-гыканьем.

Хайне отмолчалась. Взгляд её карих глаз призывно ласкал троицу аристократов за столом напротив.

— Может я? – Выкрикнул кто-то ещё.

Девушка опять промолчала.

«Плесень» смотрел исподлобья, явно что-то прикидывая. Губы его разомкнулись и сошлись несколько раз. Что именно Хайне не услышала.

Тецуй ответил – Хай. (да)

Этот ответ – по артикуляции губ и короткому кивку, Хайне поняла.

Проклятый Рюй поднялся со стула. Он сделал два шага до подиума, наклонился, упираясь животом в угол сцены, и ухватил рукой за лодыжку стриптизёрши. Дева ощутила рывок и через секунду полетела вниз – на руки Тецуя.

В зале видеонаблюдения перекошенный Кирюша орал. – Не мешать, не мешать!

Полумёртвую от ужаса Хайне уложили на стол, прямо на блюда и тарелки с едой, головой к «Плесени». Спиной она чувствовала острые края тарелок и горячий соус. Блондин привстал со своего места и вытянул шею, совсем как черепаха вытягивает голову из-под панциря. Глаза его были круглые от любопытства.

Возник звук, который производит меч, вынимаемый из ножен.

Тецуй перехватил подол юбки девушки, натянул ткань и засунул под юбку меч лезвием вверх. Ведя по ткани, просунул меч поглубже (к самому мозгу Хайне), и плавным движением к себе сделал на юбке разрез. С лёгким свистом ткань красиво разошлась.

— Ты! Урод! – Взвизгнула дева и взбрыкнула ногами.

— Не дёргайся, – едва размыкая губы, холодно предупредил Рюйдзаки. Остриё меча упёрлось ей в промежность, перетянутую полоской стрингов. Дева замерла в полной неподвижности. Лейтенант отряда охоты чиркнул по трусикам в двух местах – между ног и по резинке с боку, подцепил стринги мечом и просто скинул их на пол. Затем он перевернул меч плоской стороной параллельно телу и завёл его между животом и корсетом.

Девушка чувствовала, как ледяной металл скользит от пупка вверх – к груди, и между грудей, пока острый кончик меча не высунулся из горловины платья у яремной впадины.

Рюй опять перевернул меч остриём вверх и произвёл короткое пилящее движение. Корсет двумя ровными половинками раскрылся, как створки устричной раковины. Сама устрица, то есть, Хайне осталась лежать голая и белая. Её кожу усыпали блёстки выступившего пота. Рюй довольно брезгливо вытянул её из недр костюма и просто переложил на сцену. Из одежды на Хайне остались только туфли.

Кирюша перед экранами вытирал обильно струящийся пот. Народ, набившийся в комнату наблюдения, стоял с открытыми ртами. Один из сильно-впечатлённых охранников необдуманно проговорил. – О-о-очень возбуждает.

Управляющий оглянулся на него и поставил в голове галочку: «Уволить».

Хайне на экране неуклюже и медленно поднималась с подиума на четвереньки.

— Заменить им сервировку, – пропыхтел Кирилл Александрович.

* * *

«Я – свидетель событий наблюдаю беспристрастно, фиксирую правдиво, не осуждаю, и не вмешиваюсь!»

Так звучала краткая присяга, кою произносили, принимая на себя ответственность историка-информатора. Присягнувший человек получал привилегию присутствовать на любых событиях, происходящих в государстве, неважно будь то совокупление короля или секретное собрание заговорщиков, но... утрачивал возможность на это событие влиять. Другими словами, историк-информатор являлся безмолвным свидетелем без права на собственное мнение и действие. За нарушение присяги полагалась смертная казнь.

Уильям Кэрроу был личным историком-информатором короля Гаса Одноглазого. И видел страшное! Потому что Гас был педофилом. И по сию пору Уильяму снились изнасилованные, развращённые и убиенные дети...

Женился Одноглазый в возрасте пятидесяти лет, когда задумался о законном наследнике, которого у него не было в силу возраста его временных малолетних избранниц. В жёны ему подобрали деву достаточно молодую, чтобы вызывать королевский интерес, но уже способную выносить ребёнка – Эрику из рода Сонтана.

Королева Эрика оправдала ожидания своих подданных и подарила Гасу наследника престола – принца Кассия, после чего благополучно зачахла и повесилась у себя в спальне.

Ровно через девять лет после рождения сына Гас решил заполнить пустующее место королевы,

после чего и последовали события, описанные в недостоверной хронике Ли Чжун Ки.

Когда Чжун вернулся из похода, Уильям Кэрроу видел его только однажды – перед самой его смертью. События в Птопае были таковы, что у личного королевского историка не было времени навестить больного, и как оказалось, умирающего друга. Уильям буквально на коленях, выпросил у его Величества несколько часов для встречи с учеником.

Когда он приехал, одного взгляда на молодого историка-информатора оказалось достаточно, чтобы понять – это его последний день, может быть последняя ночь. Он не приходил в сознание и разговаривал в бреду. У кровати, вылавливая бредовые слова, сидел тот самый проклятый романист, который так сильно исказил хронику Ли Чжун Ки.

Кэрроу его прогнал! Отобрал хронику и указал пальцем на порог.

Он навалил на больного ещё несколько одеял, подсунул внутрь грелки и погнал служанку на рынок купить молодую курицу.

— Хотите купить для него настоящую курицу?! – Недоверчиво переспросила мерзкая баба. Кэрроу сунул ей в руки золотой треугольник и вытолкнул за дверь.

Чжун Ки не успел попить куриного бульона. Он умер через три часа после прихода своего учителя. За мгновение до последнего вдоха он открыл глаза и громко, ясно произнёс. – Шитао...

Позже Уильям Кэрроу проверил – имя Шитао было благополучно запечатлено в хронике. Чжун зря беспокоился.

Артур в рабочей комнате сравнивал изображение Закарии из хроники Ли Чжун Ки с тем, что нарисовал отец. Отличий было предостаточно, а из совпадений оказался только размер ящера! Величину змеюки молодой Керроу вычислил, сопоставив, размеры людей по отношению к драконьей туше на обоих рисунках. Всё сильнее и сильнее его мучил вопрос: «Как можно отсечь огромную драконью голову на очень толстой драконьей шее стандартным человеческим мечом?».

Может быть, Тайбай имел нечто очень длинное? Огромную секиру, например!

Как он это сделал?

Артур вяло перелистывал хронику Ли Чжун Ки. После краткого перечисления событий в целом, которые он читал в архиве до разговора с отцом, шло чуть более подробное описание действий на месте. Текст выглядел сумбурным, обладал большим количеством высокопарных слов и казался всё более неправдоподобным. Закария оказался наипугливейшим монстром, который пожирал исключительно младенцев. Король Гас Одноглазый выступал в роли величайшего освободителя человечества от зла, а полковник Хо упоминался лишь трижды, – отсёк голову; вступил в пещеру; забрал ребёнка. Всё. И никакого упоминания об оружии Тайбая или тактике нападения!

Молодой человек с досадой отложил книгу.

Круф за дверью затыкал и заскреб по двери лапой – просился к нему. Кэрроу встал с кресла, дошёл до двери и пустил собаку внутрь.

Круфа взяли, когда Артуру было десять лет. (Потому что отцу показалось, что в архив стали заглядывать посторонние люди!) Эльф, создавший и вырастивший его до двухмесячного возраста, обещал, что при правильном обращении, пёс будет жить не меньше ста лет. Эльфа звали Лукан Эксу Стэри. Он даже подписал договор, что в случае смерти собаки раньше обещанного срока, род Стэри обязуется выплатить неустойку роду Кэрроу.

— Иди сюда, – молодой человек забрал пса себе на колени, открыл хронику отца и стал внимательно, подолгу задерживаясь взглядом, рассматривать гравюры. Рукой он почёсывал Круфа по голове – между бляшками. Пёс утробно, не размыкая пасти, фырчал от удовольствия.

Артур заранее решил, что не будет осуждать отца за nepозволительные чувства к девице Ацуко Аканиши. Тем более что дальше чувств дело не пошло, но, открыв пятую страницу хроники «Путь влюблённого», он от неожиданности закатил глаза. Если бы отец не рассказал заранее, что Ацуко отказала ему в близости, то согласно гравюре, можно было подумать обратное!

На крутом склоне, с одной стороны которого была пропасть, а с другой росла горная сосна, Ацуко, частично обнажённая, полусидела в объятьях отца. Несколько слоёв кимоно были развязаны и приспущены на плечах и груди. Голова Ацуко лежала на плече Уильяма, лицо подставлено для поцелуя...

Артур хлопком закрыл хронику. Не то что бы он был сильно сконфужен, или излишне скромнен... просто стало больно за маму. Очень больно. Может и не такая красивая, как Ацуко, но преданная и любящая, однажды выходявшая отца со смертного ложа, она ни чем не заслужила предательства со стороны своего мужа.

Теперь стало понятно, почему хроника находилась в сейфе!

Да он решил не осуждать папашу! Но смотреть на подобное оказалось выше его сил.

Для отвлечения от увиденного Артур Кэрроу вернулся мыслями к полковнику Хо и загадке убийства Закарии. И так, и эдак выходило, что Тайбай ни как не мог совершить подобного действия. Только если он не был ростом с дракона и не держал в руках меч длинной с колонну!

Артур вдруг подумал: «Может и правда задать рыцарю Хо несколько вопросов, как советовал батя? И может ему повезёт в расспросах больше чем отцу?».

* * *

После того, как скромницу Хайне красиво разделали, то есть, раздели мечом, настроение у принца значительно улучшилось. Скажем так – он пришёл в некое игривое состояние.

Хайне увели с подиума, на столе у Хенрика заменили сервировку, на сцену, на трясущихся ногах вышла другая девочка. Клиенты стрипзала, пребывающие в шоке, встретили стриптизёршу необычно молчаливо.

Заиграла музыка. Дева, начала демонстрацию эротических изгибов, приседаний и наклонов. Хенрик, после минутной оценки новой артистки, закрутил головой в поисках более интересного предмета.

Обстановка вокруг стола, за которым сидел его Высочество со свитой, казалась несколько напряжённой. Куда бы ни глянул будущий король Государства Перемен, он везде наткнулся на косые, или негодующие, или злобные, или завистливые взгляды... или боязливые.

За столом слева, третьим по счёту, веселилась уже хорошо нагруженная алкоголем компания. Первый сын торговца Роналда Круса – Чуч, праздновал свои восемнадцать лет. Как и полагается – с шиком и размахом. Чтобы уместить всех друзей Чуча пришлось сдвинуть три стола. На них ломались синтетические яства, джин и дамский ликёр лились рекой... дамы за столом тоже присутствовали. Сам Чуч только-только вылезший из юношеских соплей, но ещё не доживший до совершеннолетия (двадцать лет), был преисполнен величественного высокомерия. Отец Чуча в прошлом году неожиданно для всех срубил немеряно бобла и соответственно его старший сын мог позволить себе немножечко вознестись в собственных глазах.

На коленях у именинника сидела подружка шестнадцати лет – Лиса Марджери.

Принц Хенрик довольно быстро наметил следующую цель.

— Девку видишь? – Спросил он Хокки, едва уловимо кивая в сторону Чуча и Лисы.

Ют осклабился мерзкой улыбкой, которая сопровождалась не менее мерзким – Аг-г-га..

— Замени на Клауса.

Клаус укоризненно и кокетливо глянул на своего повелителя. Это было очень сложное выражение лица. С одной стороны, было ясно, что замена будет произведена не на всегда и даже наоборот, на очень короткий промежуток времени. С другой – запахло быть заменённым на кого-то!

— Может, я схожу? Вместо Хокки? – Лениво спросил Рюй.

— Пусть Ют идёт, – Хенрик наклонил голову и поковырял вилкой пасту с овощами.

Хокки шумно отодвинул стул. Встал. Его гоблинская морда уже заранее приняла выражение радостной пакости. Клаус наоборот, поднимаясь следом за Хокки, изобразил обиду и страдание.

— Клаус..., – еле слышно позвал принц.

Юный Тигер, полный печали, обернулся.

— Соблазни его.., – с проникновенной улыбкой попросил Хенрик. Во взгляде принца было нечто такое, отчего бедному Клаусу стало шибко не по себе.

Хокки уже стоял напротив стола, за которым сидел Чуч с друзьями и баб..., то есть девушками.

— Бонжур, мадам, месье... то есть, здрас-сте, – отвесил он честной компании дурашливый поклон.

Лиса на коленях Чуча, гордая от собственной красоты и значимости, необдуманно одарила Хокки взглядом полным пренебрежения. Мол, слышь, чмо гоблинское, рули дальше.

— Мой господин, – ощериваясь, начал Ют. – Хочет эту девку! (указал толстым пальцем на Лису.) А взамен просит принять своего э-э... свою тёлку...

Клаус за его спиной поморщился от грубости.

Чуч, явно не вникая в ситуацию, пучил на Юта тусклые очи.

«Гоблин» не стал пояснять дальше. Это было не в его правилах. Он шагнул к Лисе вплотную, наклонился и обхватил девушку лапищами в области талии. С этой позиции здоровяк закинул миниатюрную Лису себе на плечо, разогнулся и пошагал с добычей к столу Хенрика.

На передний план выступил высокий и тонкий в стане Клаус. Нога была чуть отставлена, руки изящно лежали на бёдрах. Голова – склонена вниз, на ошарашенного Чуча. Длинные, каштановые, с рыжим отливом волосы, крупными волнами падали по плечам.

Ещё до того как Лиса «уехала» на плече Хокки, фаворит Хенрика успел рассмотреть девушку. По его оценке она была миленькая, но не более. Рассмотревши «объект» Клаус оценил деву, как не способную заинтересовать его Высочество. А вот Чуч... Чуч оказался симпатичным!

Лениво и весь преисполненный грации Клаус сел на колени виновника торжества. Одной рукой он обнял Чуча за плечи, другой, едва прикасаясь, поправил ему волосы. Непослушная прядь из причёски именинника вернулась обратно и Клаус, красиво изгибая губы, сдул её вбок.

Лиса, опомнившись, взвизгнула дурным голосом.

Чуч дёрнулся и повернул в ту сторону голову. С лёгким досадным вздохом, Тигер обеими ладонями за щёки вернул внимание Круса на своё прекрасное лицо. – На меня смотри, – тихо проговорил он. Взгляд его больших зеленоватых глаз обволакивал и гипнотизировал.

Клаус был очень хорош!

— Тебе повезло, – улыбнулся Тигер имениннику. Этими словами он давал понять, что не каждому даётся возможность ощущать на своих коленях тяжесть его совершенного тела, и на лице сладкое прикосновение его рук.

— Что за-а хрень, ты кто? – очнулся Чуч от прострации.

Лису посадили на место Клауса – рядом с Хенриком. Ют наложил на плечи девы лапищи и придавил к стулу, чтобы не убежала!

Хенрик, рассматривая пленницу, изображал бурное восхищение.

— Знаешь Рюя? – Спросил он девушку.

Лиса кивнула. (Кто ж не знал Рюя!)

— А дружка твоего как зовут?

— Чуч.

— А тебя?

— Лиса.

— Лиса..., – с мечтательной улыбкой повторил его Высочество.– Лиса, если будешь хорошей девочкой, мой добрый и совсем не страшный Рюй ничего не сделает твоему Чучу... Поняла?

У девушки открылся маленький ротик и округлились глаза. Взгляд её долго задержался на добром и совсем не страшном Тецеуе Рюйдозаке. По чистой случайности проклятый Рюй в этот самый момент пробовал ладонью остроту лезвия своего меча. Взгляд его чёрных и узких глаз не отрывался от стола, за которым сидел её ненаглядный Чуч.

— Хотите, чтобы разделась? – Жалобно спросила Лиса.

Хенрик лицом продемонстрировал, что ничего интересного под одеждой девы он не увидит.

— Просто посиди рядом, выпей вина, – ласково попросил он и протянул девушке бокал с вином.

За столом Чуча Клаус очень близко приник к лицу именинника и шептал ему прямо в губы. – Не дёргайся, не кидайся, девчонку брось – ничего ей не будет. Просто встань и уйди... пока не поздно...

Чуч засунул руку между Тигером и собой, и сильным толчком отпихнул его назад. Клаус спиной ударился о край стола. Посуда на столе подпрыгнула. Расплёскивая содержимое, попадали бокалы.

Проклятый Рюй неожиданно порезал ладонь о лезвие своего меча.

— Как грубо, – мягко произнёс Хенрик, оглянувшись, на звуки разрушения.

Красный от злости Чуч стряхнул с себя прекрасного Тигера на пол, вскочил, и с перекошенной рожой помчался к столу его Высочества.

— Лиса, иди сюда!! – Заорал он ещё издалека.

— Сиди..., – сквозь зубы потребовал наследник.

В зале было полным полно народу – за столами и на обширных диванах у стен. Внушительная часть присутствующих перемещалась по залу от танцпола к подиуму или просто так – в поисках общения. Как то незаметно вокруг конфликтующих столов образовалась небольшая толпа из самых любопытных клиентов клуба.

Клаусу помогли подняться с пола. В процессе так сказать «помощи» он ощутил чьи то похотливые руки, которые бесцеремонно шарили по его телу. Содрогаясь от омерзения, Тигер вырвался и заторопился к столу принца, расталкивая людей.

А там Чуч и Хенрик стояли друг напротив друга. Они были одного роста и почти одного телосложения. За спиной именинника на некотором расстоянии неуверенно топтались его друзья и гости, а за спиной Хенрика возвышался Хокки Ют. Лиса с бокалом вина сидела в пол-оборота к спорщикам.

Тецуй остался сидеть. Он засунул меч в ножны и с недовольным видом облизывал длинный порез на ладони.

— Ты кто такой??!! – Проорал Чуч Хенрику. – А ну пусти мою девчонку!

Его Высочество смотрел исподлобья и оценивающе: «Её никто не держит...», – ответил он спокойно.

— Лиса, а ну вставай!!

Хенрик чуть качнулся к Чучу и с некой интимной интонацией пояснил. – Твоей девушке понравился мой друг Фабий...

Фабий, надо полагать, очень удивился в этот момент. Но на всякий случай он встал и обошёл стол к Лисе. Там он поднял Лису, сел на её место и посадил девушку себе на колени, точь в точь как до этого она сидела на коленях у Чуча. Впрочем, была и разница. Фабий со спины просунул руки Лисе под подмышки и ладонями кругло обхватил обе её груди. Лиса нервно дёрнулась... покосилась сначала на Хенрика, потом на Тецуя и... изобразила на лице довольную улыбку. Донесла бокал до губ и начала пить маленькими глотками.

Из-за Лисиного плеча на побледневшего Чуча Круса смотрела торжествующая рожа Фабия Коронеро. Пальцами Фабий ритмично стискивал маленькие грудки Лисы. Стекло бокала Лисы в том же ритме постукивало о её зубки.

Чуч из бледного плавно перетёк в очень бледного.

«Глупый мальчишка», – Клаус страдальчески отвернулся. Он уже приблизительно догадывался о последующей череде событий.

— Тебе не нравится мой Клаус? – Доброжелательно спросил принц.

— Слышь..., он парень!

Его Высочество, словно впервые об этом узнал, шокировано оглянулся на своего фаворита. Люди вокруг них, как единый организм дружно посмотрели на Клауса. Тецуй поднял голову и покосился на артиста.

Тигер, оказавшийся, в центре внимания, в свою очередь растерянно развёл руками и качнул головой, мол, ну да так и есть...

— И что?! – Громко, приглашая в спор окружающих, спросил принц. – Разве он не хорош?!

Конечно-же Клаус был очень хорош! С какой стороны не посмотри! Генетический шедевр природы, облачённый в шёлковую, свободную блузу и «стик» – длинную, мужскую, расклевённую юбку с боковыми разрезами от бедра.

(Стик могли носить только высокородные господа, каковым Клаус не являлся, но Хенрик разрешал ему это.)

Вырез блузы опускался чуть ли не до самого пупа. На безволосой молочно-белой груди Тигера висел обычный железный циклоп раба. Поверх рубашки наискось через правое плечо шла чёрная перевязь. Предназначалась она вовсе не для шпаги, которую Клаус не имел права носить, а в целях прикрытия символа его рабской доли, ну и просто для довершения общего изящного образа. Вместо шпаги перевязь заканчивалась элегантным узлом с длинными концами.

— Эй, Клаус...

Тигер вздрогнул. Наследник рукой указывал на большой подиум.— Развлеки публику...

— Музыку! – Возбуждённо проорал Хокки Ют.

Очень неохотно фаворит полез на сцену, которая вот уже несколько минут пустовала – стриптизёрша закончила своё выступление и незаметно удалась.

В напряжённой тишине Тигер дошёл до шеста, взялся за него и расслаблено, гибко отклонился на длину руки. Зал ответил лёгким, восхищённым вздохом. Зазвучала музыка.

Легко, словно взлетая, Клаус стал демонстрировать сложные акробатические трюки на шесте. Стараясь соответствовать незнакомой музыкальной теме, он импровизировал на ходу. Пока толпа восторженно глазела, и впадала в эротический транс, Чучу заломили руки, окружили и незаметно увели в сторону мужских туалетов.

Хенрик шёл чуть впереди пленника и ехидно шипел. – Так тебе не понравился мой Клаус? У тебя девка, как гоблинская отрыжка... или ты считаешь, что слишком хорош для него? А? Считаешь себя красавчиком? А?

— Пусти, с-сука, – кривился Чуч от боли.

— Будешь орать, я твою девку отдам своим ребятам... всем по очереди. Здесь четверо и на улице ещё восемь... Хокки, хочешь её?

— Г-гы, – ощерился Хокки Ют. (Он всегда хотел.)

Лису тащили следом. В туалете её запихнули в одну из кабинок. Несколько посетителей туалета попросили погулять.

В комнате видеонаблюдения Кирюша Борский, сумевший правильно оценить ситуацию, набирал номер старшего Круса. По странному совпадению Роналд Крус был тот, кто в своё время перекупил у фапперов и поставил в «Крысятник» те самые камеры наблюдения, которые сейчас наглядно демонстрировали плачевное состояние его сына.

— Свалили отсюда, – глухо приказал Борский охране. Он протянул трясущуюся руку и нажал на кнопку выключения. Все экраны погасли. Одновременно на другом конце телефонной линии взяли трубку. Борский попросил позвать Роналда, и когда тот весело гаркнул: «Аллё!» (тоже в кругу друзей отмечал сыновьи именины), спросил. – Ты знаешь, где твой сын?

Трубка заквакала утвердительно. Мол, знаю, всё путём, сынулька празднует...

— Твой сынулька!!! – Завопил Кирюша, перебивая. – Пачкает кровью мои стерильные туалеты! Так что бери из «Луны» врачевателя и дуй сюда!

Найти место, в котором уединились Хенрик и Чуч, было совсем не сложно. Едва Клаус после выступления вырвался из зала, где многочисленные только что приобретённые почитатели зазывали его посидеть за их столами, как тут же наткнулся на Хокки, стоящего на страже перед дверью мужского туалета. Лицо у Хокки выражало крайнюю степень недовольства – лишили развлечения. Из-за двери доносились болезненные сдавленные вскрики Круса и негромкий смех их сиятельств.

Хокки увидел Клауса и приоткрыл перед ним дверь. Тигер вошёл.

Чуч, придавленный аристократами, лежал на полу. Хенрик сидел на корточках у его головы – ноги вместе как у девчонки, ладони сверху на коленях – весь само сосредоточение

и собранность. На лице принца застыло сдержанное любопытство. Тецуй, расставив ноги, по обе стороны от грудной клетки Чуча, стоял над ним в полный рост. Остриё меча Рюя было во рту у именинника. Чуч мычал и скрёб ногами по кафельным плиткам. Одна щека уже была разрезана, вторая только-только начала распадаться от угла рта к уху.

Клаус не стал подходить ближе, сел прямо на грязный пол у стены и закрыл лицо руками.

— Неровно режешь, – сердился Хенрик на Тецуя, вода языком по собственным щекам изнутри. – Медленно делай. Стой!

Телохранитель замер с вытянутой рукой.

Дай платок – обратился наследник к Фабию. Тот торопливо полез под стик – искать платок в карманах штанов. Хенрик в свирепом и нетерпеливом ожидании уставился на аристократа.

Наконец платок был найден и передан дрожащими руками его Высочеству.

Наследник сложил его в несколько слоёв и уголком начал вытирать кровь, заливающую Чучу лицо, потому что хотел видеть подробности. – Давай, – кивнул он своему телохранителю, разрешая продолжить.

Два ровных разреза удлинители рот Чуча в яркую улыбающуюся дугу. Сквозь разрезы с обеих сторон проглядывали коренные зубы.

— Пошли, – сказал Хенрик, поднимаясь с корточек. – Вставай Клаус, – обратился он к фавориту. – Хватит слёзы лить...

Тигер встал. Сдерживая рвотные позывы, он перебрался к раковине, где стал плескать себе в лицо холодную воду. По одному компания покинула туалет. Тецуй подошёл к той же раковине и засунул свой меч под водяную струю. Клаус глянул на него снизу глазами полными слёз... Прошептал: «Я тебя ненавижу...».

Рюй усмехнулся.

глава 3

Явление героя

Примерно в то же время, когда наследник престола наслаждался зрелищем красной улыбки Чуча, со стороны запада, к Птопаю подъезжала странная, доселе невиданная колымага. Выглядела она, как длинная фигня с круглыми бокам на трёх тонких суставчатых металлических опорах, которые заканчивались сдвоенными колёсами.

Внешний вид необычного транспорта казался очень старым, сто раз отремонтированным и сильно изменённым по сравнению со своим первоначальным видом. Он был явно лишён некоторых, когда то очень важных деталей. С обеих сторон корпуса чуть впереди боковых колёс и немного выше их торчали крылья, на вид сильно укороченные резакон по металлу. Сейчас они выступали не более чем на два с половиной метра. Обрезанной казалась и задняя часть машины. Общую нелепость транспортного средства довершали маленькие и круглые окошки по обе стороны корпуса.

Спереди машинка была вытянута в обтекаемое рыло похожее на клюв птицы, поверх которого блестели окна. На одном боку чудной колымаги можно было прочесть – «Касперо», что, наверное, являлось названием механического монстра. На другом – «не влезай – умрёшь!».

Эту окраину Низины занимали длинные кирпичные склады, обнесённые стенами с колючей проволокой, улицы, лишённые растительности, бараки для временно наёмных бездомных товарищей, полуразрушенные кустарные цеха, и жилые трущобы наибеднейших представителей Государства Перемен с рабскими циклопами на груди.

Дело было к вечеру, рабочий день заканчивался, и носители железных циклопов выползали из цехов, складов и хибар в поисках развлечений, способных помочь забыть дни предыдущие, отвлечь от насущных проблем, и не думать о днях последующих!

«Касперо» долезгал до ближайшей колонки с водой, и встал там, величественно подавляя местный пейзаж своими ржавыми потёками по вздыбленной белой краске.

Там и сям из дверей и окон ближайших развалюх стали выглядывать головы потрясённых шудр.

У колонки стояли трое парней – опасных, судя по внешнему виду. Ребята были членами местной банды Железяк и на данный момент они занимались мелкими поборами за воду. В ожидании развития событий, ребятки, которым было ужасно скучно, развернулись к прибывшей машине.

Тут и обнаружилось новое лицо! В ободранном, старом кресле, установленном на крыле Касперо, сидел тощий подросток по виду лет пятнадцати. (На самом деле семнадцати.) Пацан с высоты своего положения изучающе воззрился на парней у колонки. А те в свою очередь уставились на него. Игра в само утверждающие взгляды могла продолжаться сколько угодно долго, но тут часть круглого бока Касперо, отвалилась от стены и явила ступени с внутренней своей стороны и дверной проём, к которому они вели. В проёме нарисовалась полная тётка с ведром в руке. Она нашла взглядом «лицо» в кресле, довольно точно бросила ему ведро и громогласно завопила. – Нико-о, воды-ы!!

Мальчишка лениво, и вроде бы не глядя, (глазами он продолжал смотреть на железяк) одной рукой поймал ведёрко.

Троица у колонки заметно оживилась. Народу вокруг чуток прибавилось.

Нико медленно встал, не выпуская ведра из руки, потянулся... Все ждали, как он слезет со своего «наседа». Мальчишка, легко аки эльфийский скакун, прыгнул босыми ступнями на кирпичи мостовой. Громыкнуло ведро.

Загребая ногами пыль, Нико подошёл к данщикам. Один из них перегородил ему дорогу. Парня звали Рекс Купер по кличке Железная Морда. Он был выше Нико на целых две головы, в три раза толще его и много шире в плечах.

— Плати-и, – пробасил Рекс.

— А пяткой в нос? – Хрипло спросил его оппонент и почесал вышеозначенную пятку о собственную коленку.

— Нет денег? – Вопросил Железная Морда, внимательно разглядывая Нико. В маленьких свирепых глазах Купера рождалась тень некой перспективы. Он оглянулся на одного из своих дружков и стал делать многозначительные знаки. Тот пялил на Нико зенки и Куперовских знаков не заметил.

— Если нет денег, можно заработать, – вернулся, наконец, Рекс в беседу. Голос его стал более тихим и вкрадчивым.

По интимному тону собеседника Нико быстро сообразил, на что ему намекают. Он скупающе зевнул и внёс встречное предложение. – Пусть мамаша твоя заработает.

Красная морда Купера стала темнеть, а глаза выпучиваться из орбит.

— Не дам воды! – угрожающе пропыхтел Рекс. В ответ Нико пожал плечами и отодвинулся на один шаг, создавая, между Купером и собой некое функциональное пространство. Получив это пространство, Нико повернулся спиной к сборщикам... Последующее произошло столь быстро, что толком никто ничего и не разглядел. Мальчишка наклонился и поставил ведро у своих ног. Затем он упёрся о края ведра ладонями и, подпрыгнув, описал прямыми ногами дугу по воздуху. Приземлился он с другой стороны ведра, лицом к своим противникам, извернувшись, как кошка. Получился очень красивый и эффектный оборот, в результате которого Купер распостёрся на земле в трёх метрах от первоначального места нахождения.

Просто нос Купера оказался на траектории движения пяток Нико, в результате чего он и был повергнут в длительное беспамятство.

Друзья Купера, оценив, красоту прыжка Нико и дальность полёта здоровяка Рекса, неожиданно вспомнили об одном очень важном и срочном деле, которое понадобилось немедленно проверить. Так что ровно через минуту Железная Морда остался лежать в полном одиночестве. Нико, немного красуясь (заслужил), подошёл к колонке и стал набирать воду. Со всех сторон бежали люди с ведрами и самой разнообразной тарой для воды. За освободителем колонки образовалась взбудораженная очередь хохочущих и гомонящих людей. Мальчишку хлопали по плечам, трепали за волосы, со всех сторон звучали голоса бурной благодарности и просьбы не уходить далеко. Нико набрал воды и едва-едва прорвался сквозь весёлую толпу к своей чудной машине.

(Бессознательному Куперу от души накидали ещё пендюлей.)

У ступенек Касперо, ведущих в его чрево, стояли две девчонки лет по пятнадцать. Крутили головами и пытались рассмотреть, что там такое наверху.

— Чё надо? – Грозно спросил их Нико.

Девчонки оглянулись, ахнули и покраснели. До слуха героя явственно донеслось – А-ах! Красавчик!

— Убью-ю!! – Прорычал мальчишка и помчался по ступенькам наверх.

Тут надо сделать отступление и рассказать об обитателях и пассажирах Касперо. Род Нико назывался – Санчес. А тётка, бросившая в него ведром, была матушка Нико – Клауди Санчес. Помимо Нико у Клауди Санчес было ещё четверо старших сыновей: Антонио, Паулино, Лео и Алехандро – соответственно двадцати восьми, двадцати пяти, двадцати двух и двадцати лет.

Если выстроить в ряд всех сыновей Санчес (кроме Нико), то глазам явится приятное зрелище высоких, стройных, гибких и отлично сложенных тел. Малыш Нико на этом фоне смотрелся несколько униженно. Он был тонким и мелким. Клауди называла младшее чадо – пикиньо (маленький).

Механизм, на котором передвигались Санчесы, когда-то был самолётом. Нашли его давным-давно на кладбище таких же ржавых уродов, в одном из разрушенных старых городов. Самолёт переделали, подремонтировали и теперь разъезжали в нём по бездорожью. Помимо транспортного средства, Касперо служил ещё и домом. По правде говоря, род Санчес принадлежал к тем отбросам общества, кои и до железного циклопа не доросли – уличные бродяги, кои мыкались от одной помойки к другой. На груди всех Санчесов висели оловянные циклопы, красноречиво утверждающие, что де они жалкие людишки, которых невозможно пустить в гостиницу, как впрочем, и в любое другое приличное место.

Как только Нико, понукаемый хихиканьем девчонок снаружи, влетел в салон Касперо, его старший брат Алехандро наябедничал матери. – Ма-ам, а Нико опять по чужому носу пяткой барабанил!

— Подглядывал! – Догадался младшенький и стиснул тонкие пальцы в кулаки.

— Не подглядывал, а присматривал, – с лёгкой усмешкой поправил его Алехандро.

Клауди подошла, забрать ведро с водой.

— Он сам попросился, – пробубнил младший Санчес.

— Иди, ешь, бестолочь, – ответила мамаша.

Место приёма пищи и он же наблюдательный пункт, он же зал совещаний и улаживания внутрисемейных конфликтов находилось в кабине управления Касперо, если точнее, в когда-то кабине. Сейчас вместо пульта управления была голая панель, закрытая картоном и старой клеёнкой. Перпендикулярно к ней стоял узкий и длинный стол. Перегородка, отделяющая кабину лётчиков от салона, была удалена, и таким образом мизерное пространство оказалось способным вместить всю семью Санчес.

За столом уже обедали трое старших сыновей Клауди и их отец Петро Санчес. Ещё несколько лет назад высокий и сильный, сейчас он сидел, опираясь подбородком на самодельную клюшку, которая служила опорой для его спины. Собственно говоря, кривая спина папаши Петро и послужила причиной того, почему семейка Санчес наведальась в столицу.

— Тут и подглядывать не надо, – Недовольно заметил Антонио и качнул головой в сторону обзорных окон, когда Нико через его ноги полез на своё место за столом.

— Отличное получилось представление, – ухмыляясь, прочавкал Паулито.

— А он мне неприличное предложение сделал! – Защищался пикиньо.

— А ты и обрадовался! – В тон ему заметил Лео.

В кухню вошла Клауди, неся на большом блюде порезанный салат, укроп и петрушку, огурцы и томаты. Два часа назад всё это богатство незаметно изъяли на небольшой ферме на подступах к Птопаю.

— Отстаньте от него. – Приказала мамаша и по очереди отвесила звонкие подзатыльники, четырём старшим сыновьям.

(А чтоб не обижали маленького!)

Нико наклонил голову к тарелке, и спрятал торжествующий взгляд под кудрявой чёлкой длинных чёрных волос.

Надо сказать, что это происходило регулярно. Чтобы не натворило младшее чадо Санчес, родительского гнева огребали именно старшие.

Снаружи «Касперо» люди всё ещё толпились у колонки – набирали воду и ходили вокруг самолёта, рассматривая невиданный механизм. Новоприбывшим из уст в уста передавались подробности славной победы необычного мальчика над ужасной «Железной Мордой». Сомневающимся, торжественно подводили к поверженному Куперу Рексу и предлагали пнуть тело. Некоторые пинали.

К этому времени Купер уже пришёл в себя, но из чувства самосохранения продолжал изображать труп.

К закату солнца на горизонте объявилась Железная банда почти в полном составе и во главе со своим предводителем Славкой Покровским, у которого была кличка «Железная Челюсть». Для своих просто «Челюсть». К слову сказать, все клички в этой группировке начинались с прилагательного железный, железная, железное. Место вокруг колонки стремительно опустело. Остался только лежащий Купер, который, обнаружив свою группу поддержки, начал производить некоторые слабовыраженные телодвижения.

Железяки в одинаковых позах встали напротив Касперо – ноги раздвинуты на ширину плеч, руки сложены на груди, на мордах жестокое и злобное (им так казалось) выражение.

На откидном трапе Касперо на верхней ступеньке в расслабленной позе проявился Антонио. Рядом с ним темнела пророческая надпись «Не влезай – умрёшь». Выглядел Антонио, как товарищ, до этого спавший и неожиданно разбуженный, и по дороге к выходу засунувший в рот, что-то пожевать. (Антонио частенько так выглядел) Челюсти его ритмично двигались, глаза сонно и холодно изучали молодцов напротив трапа.

Железяки всё стояли и стояли, сначала раздуваясь от собственной свирепости, потом переминаясь с ноги на ногу и посматривая на «Челюсть». А тот всё не отдавал приказа сокрушить единственного соперника и разгромить «Касперо».

Наконец Покровский тихо буркнул. –... Уходим...

Антонио наверху одобрительно осклабился и кивком головы оценил благоразумие главы Железяк. Он лениво повернулся к противнику спиной и исчез в глубине самолёта.

Прихватив с собой Рекса, банда Железных к изумлению невидимых свидетелей растворилась в темноте.

* * *

Дом Хо Тайбая был выстроен на вершине холма «Пристань». От имения Кэрроу до него полтора часа езды, если ехать через мост «Затменье» и на скутере. Но Артур поехал через мост «Серп» и на коне. Погода стояла тихая, безветренная, и ему захотелось неспешной, конной прогулки по своду одного из самых красивых эльфийских мостов Птопая.

Скакун по кличке Сай (Лунный) звонко цокал копытами по прониевому настилу моста.

Артур решил не откладывать разговор с полковником Хо на завтра, так сказать пока тема волновала.

На всякий случай в гости к полковнику он одел перевязь с полной формой нашивок, свидетельствующих, о его родовой принадлежности, статусе и профессии. Поверх перевязи на свободное обозрение молодой Кэрроу выпустил платиновый циклоп. Так сказать, для придания себе веса... и отвлечения внимания полковника. Артур Кэрроу ещё не принял присягу, но авось Тайбай этого не знает... и загипнотизированный циклопом, авось не спросит!

На холме «Пристань» селились вояки, а на его склонах – перекупщики у фапперов. Изначально на вершине этого холма обитали эльфы, занимающиеся, разведением эльфийских скакунов – нынче крайне редких и безумно дорогих! После них остались конюшни и экспериментальные лаборатории. Теперь в лабораториях жили младшие военные чины, а конюшни были переоборудованы в помещения для различных военных нужд – склады, казармы, мастерские и прочее.

Дорога заняла времени чуть больше двух часов. К тому времени, когда Сай пересёк мост, начало смеркаться.

Артур никогда не бывал в гостях у рыцаря Хо и о расположении его усадьбы знал приблизительно. Проехав казармы, он спросил дорогу и его практически довели до ворот резиденции Хо. Прощаясь, добровольный проводник посоветовал.– Только стучите громче!

Кэрроу слез с лошади и принялся громко бухать по воротам. Через десять минут, когда молодой человек уже устал, издали донёсся старческий дребезжащий и возмущённый голос. – Кого несёт посреди ночи, когда люди добрые спать легли!

Времени было только девятый час вечера. Все добрые люди «бухали» после трудового дня и о сне не помышляли! (шутка)

Загремел засов, ворота открылись, и наружу выглянул сморщенный старик с невыносимо благородным лицом. Над головой деда сиял мощный светоч.

Артур кашлянул и поправил перевязь с нашивками. Несколько минут старик внимательно изучал «информацию» на перевязи, затем спросил сильно подобревшим голосом. – Чего изволите, господин свидетель? Я домоправитель дома Хо – проклятый полукровка...

Не сразу Артур сообразил, что именно старик хотел сказать, утверждая, что он де проклятый полукровка. Потом понял – перед ним стоял «гибрид» человека и эльфа! Артур только слышал о существовании подобных товарищей, но никогда не видел! И вот тебе на – у полковника Хо есть один такой! После замешательства Артур представился. – Артур Кэрроу, сын магистра Кэрроу... хочу беседы с полковником Хо Тайбаем, – ответил он, изо всех сил стараясь, не произнести термин – «историк-информатор». Иначе придётся добавить: «...без присяги».

— А господина полковника нет, – радостно сообщил домоправитель.

— Могу я подождать? – Настаивал Артур.

Старик посторонился и пропустил молодого человека и его лошадь внутрь. Громыхая засовом, закрыл за ним ворота.

— Лошадку здесь оставьте, – прокряхтел он. Артур привязал Сая к коновязи у ворот.

Несколько минут они шагали через отличный сад. Пахло позднецветущими яблонями. Показывая дорогу, домоправитель шаркал на несколько шагов впереди. Время от времени он оглядывался на Артура и сетовал, что вот, мол, господин Тайбай совсем себя не жалеет: спит

по три часа, ест малые крохи, кои и крысу не способны накормить, и день и ночь радеет о работе... ах ...ох...

Наконец подошли к дому. Это был небольшой по площади, но трёхэтажный замок в мрачном средневековом стиле с башенками и окнами, стилизованными под бойницы.

Зашли внутрь.

Изнутри дом оказался не таким мрачным как снаружи. И пол и стены и потолки комнат были выложены деревянными панелями разной тональности, что свидетельствовало – полковник Хо был очень богат! Не каждая знатная семья могла позволить себе деревянную облицовку сразу всего дома! В имение Кэрроу например это были только спальня родителей и его – Артура.

— Сюда, – прошелестел старик и провёл гостя в комнату, заполненную стеллажами с книгами и оружием на стенах и полках. Над столом висел мощный магический светоч, который при вступлении в комнату людей засиял приятным мягким светом.

Преследуемый взглядом старикашки, Артур прошёл к столу и сел в кресло.

— Кушать, пить? – Проявил домоправитель вежливость. Артур отрицательно покачал головой. В присутствии старичка он чувствовал себя неуютно и скованно.

— Как долго полковник Тайбай будет отсутствовать? – Неловко спросил его Кэрроу. Дед скорчил недовольную гримасу. Гость не употребил слово господин перед званием «полковник» и тем самым проявил невежливость! Молодёжь нынче пошла неуважительная, невоспитанная!

— Время возвращения господина мне неизвестно! – Сварливо и делая ударение на «господине», огрызнулся он и вышел за дверь. Его медленное шарканье и недовольное кряхтение начали удаляться, а навстречу им наоборот дробно и весело застучали быстрые шаги. Где то в середине коридора шаги и стариковское шарканье встретились, раздался низкий молодой голос, затем возник смех. Шаги бегом простучали к дверям библиотеки.

Артур выпрямился в кресле и уставился на дверь. Та распахнулась, и в проём вступил высокий, широкий в плечах, и тонкий в стане молодой человек лет двадцати. Светоч, злобно брызгая искрами, сорвался с места и полетел к вошедшему. Молодец отмахнулся от него рукой. – Отца ждёте? – Спросил он.

Артур, чувствуя, как волоски на теле встают дыбом, кивнул, встал.

— Он не придёт, у него ночная инспекция патрулей, – молодой человек сделал несколько шагов к креслу и Кэрроу невольно сел обратно. Он не мог поверить своим глазам! Ибо был почти уверен, что статный, с крупными чертами лица молодец, стоящий перед ним, был тот самый Шитао, которого полковник Хо вынес из пещеры Закарии и возможно усыновил. Нет, точно усыновил! Он же назвал его отцом!

— Вы не хромаете? – Спросил он.

— Должен хромать? – Удивился приёмный сын Тайбая.

— Вы сын полковника Хо?

— Да...

— Вам двадцать лет?

— Да... будет через месяц.

— Вы Хо Шитао?

— Лейтенант Хо Шитао. Мы знакомы? – Шитао казался растерянным и обескураженным. Рассматривая Артура, он чуть ссутулился и наклонил голову. Артур медленно, опираясь руками на поручни кресла, опять поднялся с кресла. Он встал рядом с молодым человеком и лицом к нему. Шитао был выше Кэрроу на пол головы. Хозяин дома был одет в штаны хакама и блузу кимоно, перехваченную жёстким и широким поясом. Поверх блузы «сидел» нагрудник из прония из чего можно было сделать вывод, что бравый лейтенант фехтовал. И это на ночь то глядя!

— Вы не заснёте, – невпопад брякнул Артур.

— Почему? – поднял брови лейтенант.

— Физические упражнения перед сном плохо влияют на... него... да... на сон... хм...

— Э-э-э... – окончательно растерялся лейтенант.

Некоторое время они молчали.

— Вы не военный, – утвердительно произнёс Шитао после неловкой паузы. – Что обозначают эти нашивки? – Кивнул он на цвета цеха историков.

— Историк-информатор... свидетель событий...

— Ух ты!! – Молодой Хо вдруг преисполнился неподдельного восхищения. Судя по всему, он впервые сталкивался лицом к лицу с одним из представителей историков.

Артур не знал, как реагировать: возгордиться, смущённо покраснеть, или ответить широкой снисходительной улыбкой. Шитао ему нравился... и не нравился. Артур ещё не определился... Во первых, он не любил военных. Во вторых, он всегда несколько предвзято относился к таким красавчикам, как этот.

— Будете ждать отца? Если да, я попрошу постелить вам в спальне для гостей. Он вернётся только утром...

— Нет, не буду, – перебил его Артур. – Лучше заеду в следующий раз.

— Тогда... Я провожу?

Кэрроу кивнул. Из библиотеки он вышел первым. Рядом с дверью у стены, остриём вниз был прислонён тяжёлый тренировочный меч. (Артур такой даже не поднимет.) Шитао оставил его перед входом, чтобы не пугать гостя. Чаша «нравится» на весах мнения Артура о молодом Хо чуть потяжелела, но пока не перевесила чашу «не нравится».

* * *

Ночь. В целях безопасности трап Касперо был поднят. Две спальни – большая для сыновей и меньшая родительская размещались в задней части машины. В большой спальне у Антонио и Паулино имелись отдельные полки наверху. Лео, Нико и Алехандро спали внизу на широкой полке, рассчитанной для троих. Место Нико было посередине – между Лео и Алехандро.

Клауди отдёрнула занавеску и заглянула на минутку к сыновьям. Полки Антонио и Пауло пустовали. Они ушли два часа назад, сразу после того как «Железяки» приходили постоять перед Касперо в красивых позах. Старшие братья пошли искать эльфа врачавателя, способного вылечить папашу Петро. Сам папаша сейчас сидел перед обзорными окнами и «пас» их возвращение.

В салоне тепло, поэтому мальчишки дрыхли без одеял – только в пижамах. Лео лежал у стены, вжимаясь спиной в круглый борт самолёта, Алехандро скукожился с краю, на боку и чуть не падая в проход. А всю середину полки занимал Нико! Причём поперёк! Головой к Алехандро и ногами у Лео на животе. Ночь наглядно демонстрировала кто в доме хозяин!

Клауди покачала головой. Нагнулась. Коленом и одной рукой она опёрлась на матрасик и потянулась вперёд. Другой рукой мамаша Санчес подцепила тонкую лодыжку Нико, и потащила на себя, разворачивая младшего сына. Пикиньо немедленно проснулся и сел на кровати, нахохлившись и сонно тараща на Клауди глаза.

— Ч-ч-ч-ч... – прижала Клауди палец к губам.

— Эльф пришёл? – Спросил пикиньо в полудрёме.

— Нет ещё, спи...

Со стороны носа Каспера донеслось покашливание папаша Петро Санчеса и одновременно с улицы в салон Касперо через иллюминаторы проник едва слышимый свист. Это вернулись Антонио и Пауло.

Клауди задёрнула занавеску и пошла, откидывать трап.

Сыновья явились не одни. Вместе с ними на борт Касперо поднялся высоченный и худой эльфийский молодец лет эдак ста или ста пятидесяти. На человеческий возраст совсем ещё выюнош. Он был почти неотличим от человека... , если бы не глаза – огромные и с фиолетовой радужкой... и не мертвенно белая кожа, словно всю свою жизнь до этого момента он провёл глубоко под землёй. Его звали Лукан Эксу Стэри.

Ступив с трапа внутрь самолёта, эльф вдруг замер, сложил руки на поясе, прогнулся в спине и глубоко втянул ноздрями воздух. Его глаза были закрыты, голова откинута назад. Грудная клетка медленно поднялась и опустилась. По салону Касперо во все стороны от гостя прошла невидимая, но явственно ощутимая волна. С одной стороны она достигла Петро Санчеса, который беспокойно шевельнулся в своём кресле, с другой стороны Нико подскочил на кровати и окончательно проснулся. Алехандро и Лео зашевелились во сне, а прямо перед эльфом Клауди обеспокоенно прижала ладонь ко рту. Антонио сжал кулаки, Паулино встал в стойку.

— Магия, – тихо и утвердительно проговорил эльф.

— Да откуда у нас магия... – Прошептала Клауди, и махнула на гостя рукой.

Лукан распахнул свои неземные очи и испытующе вперил их в лицо женщине. Клауди в ответ постаралась безмятежно улыбнуться. – Посмотрите больного? – спросила она и показала в сторону пульта управления. Эльф кивнул.

Антонио пошёл вместе с ними, Паулино вернулся в спальню. Там Нико сидел уже полностью одетый и готовый, если надо, подраться прямо сейчас!

— Спа-ать! – прошипел ему старший брат.

Младший возбуждённо зашептал. – Вы правда эльфа привели? Правда?! Можно я посмотрю! Паули-и-ито...

Пауло сложил пальцы правой руки в кулак и подsunул его к самому носу Нико. Он сел на край полки и притянул младшего к себе рукой за плечи. До их ушей доносились тихие причитания матушки и покашливание отца. Время от времени эльф задавал краткие вопросы. Вдруг Антонио громко спросил. – Ско-олько?!!

Нико заёрзал на кровати, Пауло обхватил младшего крепче – в целях не пустить в рубку.

В рубке Лукан внятно повторил. – Сорок золотых треуголов! И не треуголом меньше! Он вылечит болезнь старичка Петро за эту сумму! ... Или за магический предмет, который точно находится где-то в недрах Касперо! Если семья Санчес решит оплатить лечение магическим предметом, то он – эльф Лукан сам готов, в придачу к лечению, отдать Санчесам некоторое количество золота или то, что они сами захотят!

— Да нет у нас магии, – опять проговорила Клауди, чуть не плача.

Лукан Эксу Стэри насмешливо приподнял уголки губ.

— Как двигается это машина? – быстро спросил он.

Антонио до боли стиснул челюсти, Петро Санчес громко вздохнул.

Магический предмет имелся! И это был один из двух самых страшных секретов семьи Санчес. Именно благодаря магии, Касперо мог двигаться с различной скоростью и благодаря ей же, внутри самолёта было тепло в холодное время года, а плита нагревалась во время приготовления пищи. Лишиться сего предмета означало подорвать все устои их жизни, а может и саму жизнь!

— Мы заплатим треуголами, – подал голос Петро Санчес. – Или откажемся от ваших услуг.

Лукан не смог скрыть разочарования. Войдя в Касперо, он ощутил весьма необычную и просто ненормально огромную магическую мощь, и ему очень хотелось посмотреть, что же за предмет находится во владении этих носителей оловянных циклопов. И как такое могло произойти, чтобы магия такой силы досталась именно им, а не допустим... ему. Глаза Лукана

возбуждённо блестя, язык несколько раз облизал губы. – Хорошо, – проговорил он. – Может, просто покажете?

— Нет, – ответил папаша Санчес.

— Сколько вы хотите за него? Хотите дом с приусадебным участком?

Трое присутствующих Санчес отрицательно замотали головами.

— Хотите поменять касту? На медную!

Опять дружное отрицательное вращение головами.

— ... Серебряную! – Не сдавался Лукан.

— ... Господин эльф... Нас всё устраивает, – твёрдо проговорил Петро Санчес. – Как только соберём нужную сумму денег, мы свяжемся с вами. Антонио, – обратился он к старшему сыну. – Возьми Пауло и проводите господина врача назад.

Лукан сжал губы в тонкую кривую линию. С испокон веков магические предметы можно было либо обрести, либо получить в подарок. Иногда купить или обменять на что-то равноценное. В любом случае, требовалось искреннее и добровольное согласие владельца. Таким образом, магия была защищена от таких преступлений, как воровство и убийство хозяина предмета. Сейчас Лукан об этом страшно жалел. В период сильнейшего дефицита магии, недопустимо было оставлять её в руках самых низкокастовых плебеев!

— Подумайте! – Попросил он и в голосе его явственно прозвучала мольба.

Петро Санчес равнодушно отвернулся, Антонио тихонько подпихнул врача, намекая, что де пора на выход!

Лукан, горестно сгорбленный, шагнул за занавеску отделяющую «кухню» от тамбура перед трапом. Дальше чуть в глубине салона висела вторая занавесь перегораживающая спальню мальчишек. Вместо того чтобы повернуть к трапу эльф сделал несколько шагов к тряпочной перегородке и остановился настороженный и самоуглублённый. Антонио за его спиной приготовился упасть на треклятого эльфа и подмять его, если тот вдруг вздумает пойти вглубь самолёта.

Лукан думал: «Что там?»

Прямо напротив Лукана лицом к нему, но через занавеску сидели: Нико, смертельно жаждущий сорваться и посмотреть на эльфа и Паулино, удерживающий его своим братским авторитетом... ну и силой немножко....

— Что там? – Повернулся Лукан к Антонио.

— Кровати! – Недружелюбно крикнул тот. – И мои спящие братья!

— А дальше?

— Ещё кровати!

— А ещё...

— Это наше личное пространство! – Напомнил Антонио эльфу о неприкосновенности чужого жилища. – Пауло! – Позвал он второго брата. Занавеска отдернулась, из спальни шагнул Пауло

Через его руку на одно мгновение Нико увидел Лукана, а Лукан увидел Нико. Ярко-синие глаза «пикиньо» и тёмно-фиолетовые глаза эльфа встретились. Тряпочная перегородка вернулась в исходное положение. Лукан с открытым ртом и выпученными глазами вскинул руку, и пальцем указал на занавеску. Сказать он ничего не успел, потому что Паулино хлопком положил ему на плечо ладонь и повлёк на выход к трапу.

Нико остался по ту сторону занавески содрогаться от трепетного восторга.

«Вау!!!!» – Думал он. – «Настоящий эльф!!!!»

глава 4

Ночной патруль

С приходом ночи по улицам Птопая начинали шастать всякие сомнительные товарищи. (Пока все прочие порядочные горожане опочивали и смотрели сны!) По традиции в тёмные часы работали воры, разбойники и некоторые торговцы. Профессиональные любовники – усталые или ещё относительно бодрые, крались вдоль стен. Шумные компашки, выставленные из кабаков, баров и клубов, обнимались или дрались. Банды выясняли границы территорий. Проститутки искали клиентов... ну и так далее.

Среди всей этой подозрительной возни был контингент людей, которые работали по ночам на абсолютно законных основаниях – это господа маги и те, кто жаждал их магических услуг. Так уж вышло, что тощие магические потоки ночью были более заметны и вылавливались намного успешней, чем днём.

И наконец, ко всем выше перечисленным бодрым товарищам можно добавить ещё и официальных представителей властей, поддерживающих порядок среди неспящего птопайского сброда. Это ночные дозоры. Их выставляли полицейские комендатуры и общественники в рамках добровольной охраны района. И, наконец, имелись патрули Карательного Отряда Охоты.

В обязанности «охотников» входило: пресечение конфликтов, убийств, воровства и насилия. Все преступления карались на месте путём обычной порки. Отдельным пунктом стояло: поимка эльфов, коим не было положено находиться за стенами гетто в ночное время.

В ноль сорок после полуночи, следуя утверждённому маршруту, один из таких патрулей в составе трёх человек под командованием сержанта Хьюго Шульца спускался вниз с холма «Валун».

Первая половина дежурства выдалась относительно спокойной. Выловили парочку драчунов, и одного растлителя малолетних, который тащил в подвал девчонку десяти лет. Драчунам надавали пощёчин, растлитель получил двадцать пять ударов кнутом. (Хотели кастрировать, но оказалось, что анестетик закончился!) Пострадавшую вернули в семью, где глазам патрульных предстала безрадостная картина беспорядка, бедности и двух упившихся родителей девчонки. Пейзаж довершался ещё одним ребёнком трёх лет – голым, который ковырялся в синтетическом пищевом мусоре. Хьюго по магическому экрану вызвал попечителей из местного приюта – забрать детей. Патруль вернулся на маршрут.

— А папаша любимую дочку, наверное, продал! – Всё ещё взволнованно комментировал последнее происшествие рядовой патрульный Стефан Койнен. – И на эти деньги «бухло» купил! Надо было и его выпороть!

— Его бесполезно... Он и так бесчувственный, – отвечивал ему второй патрульный Жюль Моринье. – Эй, Хьюго! Может, утром к ним вернёмся и набуцкаем папашке? Чтоб знал, как детей воспитывать и оберегать!

Шулец отмолчался. Он ехал на два лошадиных корпуса впереди и казался спящим. На самом деле сержант не спал. Он думал. Думал о том, что девчонка, скорее всего, заберёт брата и уйдёт до прихода попечителей – переждать их набег. А утром растолкает любимых родителей и для неё всё встанет на круги своя. Опять же... кто сказал, что в приюте лучше, чем в семье!

В полглаза сержант наблюдал за тремя устройствами магического поиска, которые летели впереди патруля. Назывались такие штучки: «совята».

— Может, заглянем куда-нибудь... э-э... глотнём горяченького, – предложил неугомонный Стефан. На этот раз Шулец снизошёл до краткого ответа.

— Тайбай гуляет, – весело уронил он.

Рядовые притихли. Под непонятным «Тайбай гуляет» крылось значение – страшный полковник Хо рыщет по улицам Птопая с инспекцией на предмет уличения патрульных в недобросовестном исполнении своих служебных обязанностей!!

(Как бы не скрывал Тайбай свои налёты, информация о них почти всегда просачивалась и передавалась от одного патруля к другому.)

— Так что едем строго согласно маршруту и никуда не сворачиваем, – закончил Шулец.

Рядовые за спинами Хьюго дружно засопели. Тот усмехнулся. Скорее всего, Тайбай до них не доедет. Патрули разбросаны по всему городу и хотя полковник известен своей непомерной выносливостью и упрямством, вряд ли он был способен проверить их все. За ночь его хватит максимум на полтора десятка патрульных групп. И как раз эту часть города он инспектировал реже всего. А потому что, как раз на холме «Валун» расположено эльфийское гетто – «Луна». Храбрый полковник вот уже двадцать лет старательно избегал и само гетто, и местность, прилегающую к нему... Так говорят... ну вроде слухи такие ходят!

«Совята» изменили спокойное оливковое сияние на мерзкое грязно-розовое и завибрировали противным комариным писком – учуяли что-то подозрительное!

Кварталом ниже и навстречу патрулю, не ведая того, поднимались старшие братья Санчес и эльф Лукан. Время от времени врачеватель задавал тихие вопросы.

— Этот мальчик... он ваш брат? Как его зовут? Он непохож на вас... слишком красивый...

— А мы уроды, значит, – оскорбился Пауло.

— Этот предмет он носит на себе? (Под «этот» подразумевалось – магический) ... На груди или на поясе?

— Ты достал своим предметом..., нет у нас предмета...

— Тихо! – Антонио замер и поднял руку. Пауло послушно остановился и застыл в неподвижности. Лукан оборвал следующий вопрос на полуслове.

Эльфы очень чувствительны к любому, даже слабому магическому проявлению, а господин Лукан был по этой части настоящим профи, и только возбуждение, вызванное посещением Касперо и мыслью о хранящемся в нём сокровище, не позволило ему вовремя уловить магические токи от «совят» патруля Отряда Охоты. Замолчав и насторожившись, он тотчас же ощутил их, но было уже поздно. Из темноты на двух людей и одного эльфа выплыли три розовый зудящих огонька, а следом появились, бряцая удилами и светясь глазами, три здоровенных чёрных коня, несущие на спинах, своих жутких всадников.

— Что тут у нас? – Чуть насмешливо спросил Шульц, наклоняясь с лошади и поднося к лицу каждого по очереди яркий светоч на ладони.

Похолодевший Лукан, закрыл глаза. Знал, что не поможет, но всё равно закрыл. Старший сержант осветил Антонио и Паулино, которые без всяких признаков страха пучили зенки на всё это боевое великолепие. В них легко распознавались провинциалы, даже не подозревающие о существовании Элитного Карательного Отряда Охоты.

— Циклопы! – приказал Хьюго.

Братья послушно вытащили через горловину рубашек оловянные пластинки на верёвочных жгутах.

— Сня-я-ать, – протянул руку Моринье. В его обязанность входила проверка циклопов.

— Разбойники? Босяки? Фапперы? – Поинтересовался старший сержант.

— Артисты, – сдержанно ответил Антонио за себя и за брата.

Стефан Кайнен загыгыкал, его лошадь замотала головой.

— Бродяги, – изрёк Жуть свой вердикт, изучив нумерацию и вязь на олове.

— Уличные артисты! – Обидчиво воскликнул Паулино. Антонио нашёл его локоть и стиснул пальцами, мол, заткнись, дебил.

— Тоже артист? – Спросил сержант Лукана, перенося светоч к лицу эльфа, который всё это время так и стоял с закрытыми глазами за спинами братьев.

— Голову подними... и глаза открой!

Лукан остался неподвижным.

Шульц рукой сделал знак для Кайнена. Тот тронул лошадь за узду и подъехал к эльфу со спины. Там он наклонился с седла и рукой схватил его за волосы на затылке. Резко дёрнул вниз и назад. С болезненным вскриком Лукан вскинул голову и распахнул глаза.

— Вроде бы как господин эльф собственной персоной!? – Обрадовался сержант неожиданной находке. За вылавливание эльфов на ночных улицах Птопая полагались нехилая денежная премия, бесплатный и натуральный обед с настоящим мясом, и трое суток отгулов!!

— Это врачеватель!! – Искренне возмутился Антонио. – Он лечит нашего отца!

Радостная улыбка Хьюго несколько подувяла. По закону эльфы не могли покидать стены «Луны», если только они не спешили к больному. – И-имя, – более грустно приказал он.

— Исия Сату Криста, – быстро проговорил Лукан. Оба брата Санчес с изумлением обернулись на лгуна.

— Так значит... – совсем грустно процедил Шульц.

Криста были очень известным эльфийским родом врачевателей, представители которых наблюдали и лечили саму королеву Элишию.

— Королевский врач снисходит до лечения бродяг? – Спросил Хьюго через минуту раздумий.

— Очень интересный случай, – быстро и без запинки ответил Лукан. – Необходим для набора опыта.

Шульц, полный сомнений, покусывал нижнюю губу. Думал, что этих троих придётся отпустить. В том числе и эльфа. Признаки преступления: драка, кровь, угрозы, мольбы о спасении – отсутствуют. Люди идут тихо, мирно, никого не трогают, сопровождают известного эльфийского врача до гетто... Привязаться, как говорится, было не к чему.

Лукан внизу казался невозмутимым. Братья Санчес равнодушно позёвывали.

— Так что? – Тихо спросил эльф. – Можно идти?

Старший патруля молчал, шарил глазами по его долговязому телу, выискивая, хоть какую зацепку для того чтобы связать эльфу руки и погнать впереди коней.

Звуки ночных улиц Птопая составляли: шум от ветряков, генерирующих скудное электричество, шорохи всякой разной живности, негромкий, но нудный вой вентиляции, коя со склонов холмов засасывала воздух в подземелья Низины, и кое-где отдалённое рокот насосов, поднимающих воду из земных глубин. Некоторое время назад со стороны вершины холма стал доноситься цокот лошадиных копыт. Приблизился одинокий всадник.

Шульц развернул лошадь и стал ждать. Всадник ехал в полной темноте и проявился визуально только тогда, когда оказался рядом. У лидера патруля от почтения задрожали руки ибо явившийся был сам полковник Хо Тайбай!

Остановив коня, Тайбай расстегнул крючок на прониевом запястнике и оттуда резво выпорхнул мощнейший светоч, который немедля осветил чуть ли не пол квартала! Головы патруля дёрнулись в приветственном глубоком кивке, кулаки правых рук мощно стукнули о латы на груди.

Полковник Хо выглядел лет на сорок – не больше. (На самом деле пятьдесят пять.) Он был невысок ростом, широкоплеч, коренаст, носил короткую седую стрижку. Ни единого чёрного волоса не было в голове полковника, причём с тех самых пор, когда он вернулся от драконьей горы. Жёлто-смуглое лицо и чёрные глаза резко контрастировали с белым жёстким ёжиком над высоким лбом. Не смотря на возраст, азиатское лицо Тайбая почти не имело морщин и казалась маской отлитой из благородного, потускневшего от времени, золота.

— Что здесь? – Хрипло спросил полковник.

— Бродяги сопровождают врача в гет-т-то! – громко отрапортовал Шульц.

— Артисты! – возмущённо проорал Паулито. Антонио с размаху треснул его по спине между лопатками.

Хо неторопливо осмотрел пойманную тройцу. Задержал долгий взгляд на лице «помертвевшего» до синевы Лукана.

— Эльфа забрать, отвести в комендатуру, этих гоните прочь, – едва слышно распорядился Тайбай.

— За что в комендатуру?! – Опять завопил Пауло.

Тайбай тронул свою лошадь, а это был настоящий и редчайший эльфийский скакун, и вплотную подъехал к возмущённому Паулино. Умная животина стала впритык к парню, но при этом умудрилась не задеть его.

— Врач, говоришь? – Спросил Тайбай, нависая над Санчесами, и через их головы пальцем, указывая на Лукана.

— Ага, – подтвердил Пауло.

— Его зовут Лукан из рода Эксу Стэри. Род Стэри не занимается лечением людей... они разводят магических животных. Он вас обманул... или вы обманываете меня... В таком случае вам придётся сопровождать патруль до комендатуры – в качестве задержанных, находится там в течение нескольких дней и ответить на некоторые вопросы... если ответы мне не понравятся – вас накажут!

— Разводит животных? – Вытаращил глаза Антонио.

Стефан Кайнен за спиной Лукана спрыгнул с коня, завёл эльфу руки за спину и застегнул на его запястьях наручники.

— Возьми на лошадь, – приказал ему Тайбай. Стефан кивнул.

— Имя, – обратился полковник Хо опять к Антонио.

— Антонио Хуан Рекардо Эстэбан Петро Клауди Санчес дель Кастро, – словно в трансе проговорил заворожённый Антонио. Бедного Лукана за его спиной с проклятиями взгроможили на коня.

Моринье на своей лошади изумлённо покрутил головой, мол, ничего себе! Имён больше чем у эльфов!

Тайбай вдруг неожиданно усмехнулся! (Что было совсем ему не свойственно.) Он наклонился низко к самому лицу Антонио и тихо спросил. – Так значит, старикашка Петро Санчес дель Кастро решил заглянуть к нам в гости? Ты вырос Антонио!

И хлопнул его рукой по плечу!

У Паулино отпала челюсть. У патрульных тоже!

— Где вы остановились? – Спросил полковник.

— Там внизу... – проблеял Пауло и рукой качнул к подножию холма.

— Всё ещё катаетесь на Касперо?

Ошеломлённые братья одновременно кивнули.

Лукан на лошади у Стефана вдруг разразился ненавистными воплями. – Драконий убийца-а!!! Ублюдо-ок!!! Королевский вы-ыкормыш!!! Я дождусь, когда мои собаки сожрут твои никчёмные яйца!

Хо Тайбай махнул рукой, и Стефан погнал коня в темноту. Жюль Моренье кинул под ноги Санчесам их циклопы и поскакал следом. Сержант Шульц тронулся за ними. Эльфийские вопли доносились всё слабее и слабее.

Пауло наклонился и подобрал оловянные бирки.

Полковник опять отстегнул запястник и позвал светоч внутрь. В наступившей беспросветной темноте прозвучал его неспешный, чуть хриловатый голос. – Скажите отцу, я загляну как-нибудь в гости...

Антонио растерянно кивнул в ночь. Отдаляясь по направлению вверх к холму, зацокали копыта.

— Это что было? – Хрипло спросил Пауло сам себя.

глава 5

Утро королевы Элишии

Каждое королевское утро начиналось с доклада секретаря Дзиро Каценаги. Доклад включал все события, кои заслуживали внимания королевы за прошедшие сутки в последовательности – от важных экономических, до менее важных – касаемо внутреннего двора. Эти последние больше походили на сплетни и служили приятным дополнением к серьёзным делам.

Дзиро служил у Элишии с момента её коронации. И вот уже целых восемнадцать лет, каждый день в восемь часов утра он звонил в медный колокол перед дверями опочивальни королевы, и входил после ответного звонка.

Иногда ожидание затягивалось. Это происходило в том случае, если очередной королевский фаворит выполнял, так сказать, свой утренний долг. Вот и сегодня Дзиро звякнул, но в ответ услышал только охи и вскрики. Как очень воспитанный секретарь он отошёл от двери и подсел к дежурной фрейлине Лукреции Боске.

— Отличная погода, – пробормотал Каценаги.

Лукаво блестя глазами, прекрасная Лукреция кивком подтвердила, мол, да, погода ничего так...

За время правления Элишии секретарь перевидал около сотни фаворитов. Некоторые королевские любовники держались рядом с её Величеством до полугода, другие теряли статус в течение одной ночи. Тот, который был на данный момент, ублажал королеву уже целых две недели. У Дзиро был намётанный глаз. Масляно-карий узкий глаз, которым он оценил нового фаворита и дал ему срок в три месяца вольготной жизни на перинах королевского ложа.

Эхе-хе... За восемнадцать лет преданного служения её Величеству Дзиро Каценаги научился не осуждать. Он мудро решил – если хорошо королеве, то и подданным тоже неплохо!

Через дверь до них донёсся музыкальное треньканье колокольчика -Элишия призывала в спальню. Каценаги сделал глубокий вдох. Предстояло доложить кое-что пренеприятное! Кое-что, что касалось её любимого сыночка... Эхе-хе...

Лукреция зашла первой, Каценаги чуть повременил и только для того, чтобы надеть на хитрую рожу маску печали. Он сгорбился и чуть опустил голову. Весь его вид заранее предупреждал – готовьтесь ваше Величество к плохим новостям!

Элишия сидела перед зеркалом, в пеньюаре, розовощёкая, с блестящими глазами и вообще бодрая, как проснувшийся и голодный ягуар. Лукреция принялась распускать, её растрёпанную с ночи косу. Причина бодрости королевы – обнажённый молодец лет двадцати двух лежал на королевском ложе в красивой позе. Интимную часть его тела скромно прикрывал завернутый угол простыни. Каценаги отвесил в сторону фаворита короткий – политический поклон.

— Сон мне приснился, – Начала Элишия капризным голосом. – Пауки и змеи... – королева передёрнула плечами. Луки брезгливо скривила хорошенький ротик, секретарь сочувственно покачал головой, фаворит... фавориту было насрать.

— К неприятностям, – сделала Элишия собственный вывод. – Что скажешь? – Вопрос предназначался докладчику.

Секретарь немедленно изобразил лицом скорбь и ужас, которые обычно предвеляли все плохие новости. За «скорбью и ужасом» пошла серия длинных и печальных вздохов.

Элишия немедленно свела брови.

Каценаги тоскливо молчал. В таком деле торопиться не следовало!

— Ну что! Что!! – Нервно воскликнула королева. Она уже догадывалась о ком сейчас пойдёт

речь! – Хватит стоны издавать! Хенрик что-то натворил? Так?!

Мудрый, старый Каценаги с длинным жалобным стоном кивнул поникшей головой.

— Ну!

— Вчера в одном из клубов по его желанью были нанесены жестокие увечья несовершеннолетнему мальчику простолюдину. Его отец подал жалобу и требование компенсации, –

Каценаги открыл папку и протянул Элишии лист, лежащий сверху. Королева с треском схватила бумажку, пробежала глазами текст.

— Кто резал? – Резко спросила она.

— Телохранитель – Тецуй из рода Рюйдзаки...

Элишия смяла лист.

— Так может он и есть инициатор происшествия?! – спросила она.

Секретарь поднял голову и испытующе взгляделся в рассерженное лицо королевы. – Возможно... – осторожно проговорил он.

— Напомни – откуда этот змей приполз в телохранители?

— Из «Отряда Охоты», моя королева.

— Вот как... вот как... хочу немедленно видеть полковника Хо!

— Он ждёт Вас в приёмной кабинета.

— Так быстро? – Удивилась её Величество.

— У него была ночная инспекция.

— Понятно. Тогда я буду завтракать с полковником. – Элишия повернулась к зеркалу, чтобы оценить: насколько она хороша и молода. – Распорядись, чтобы накрыли стол в кабинете на две персоны.

— Компенсация..., – напомнил Каценаги.

— Дай этому... всё, что он просит... и принеси извинение с заверениями в том, что виновный... Рюйдзаки будет непременно наказан!

* * *

При дворе полковника называли – каменный. А всё потому, что по его внешнему виду нельзя было определить его состояние..., например, степень усталости. С младых ногтей старик Хо не любил демонстрировать слабость, горе, отчаяние, и так далее. Вот и сегодня после инспекции в первой половине ночи и допроса Лукана – во второй, Хо Тайбай выглядел неизменно по каменному.

(А он конечно же устал. Полковник не железный!)

Пока никто не видел, Тайбай потёр виски, веки на глазах и надбровные дуги. Пощипал кожу на переносице, забирая её в складку. В голове бродили мысли, что эльфы нынче распоясались, затеяли возню с непонятным смыслом. За последние три месяца ребята из отряда выловили около пяти (!) несанкционированных докторов, которые и докторами никогда не были, зато хорошо чуяли магические потоки!

В приёмную из дверей кабинета в платье на фижмах вышла фрейлина Лукреция Боска и сделала грациозный реверанс – приглашала войти внутрь. Полковник невольно засмотрелся. Дева была белокожая красавица... Впрочем, других во дворце не держали.

— Её Величество ждёт, – прошелестела бледная красотка. – Вы завтракали, полковник Хо?

А это уже было не формально и даже фамильярно, из чего Тайбай сделал вывод – девчонка кокетничает. Поднимаясь из кресла, он неосознанно выпятил грудную клетку и приподнял подбородок...

Лукреция мило и ободряюще заулыбалась.

«Хорошая девушка», – подумал Тайбай.

Элишия ждала за столом, накрытым, на две персоны. Тайбай поклонился, едва переступил порог кабинета. – «Моя королева», – официально проговорил он.

— Рыцарь Хо, – Отозвалась её Величество с лёгким кивком.

Тайбай под латами и одеждой весь покрылся холодным потом. Он не любил когда вспоминали этот его титул.

— Что привело тебя, полковник, после ночи, наполненной трудами?

— Труды и привели...

— Позавтракай со мной.

Хо согласно кивнул и присел на кресло ко второму прибору, напротив королевы через стол. На тарелке лежал салат из свежих овощей и ароматный кусок хорошо отбитой тушёной телятины со специями. Всё вместе составляло целое состояние. На тарелке Элишии лежал только салат. Она берегла фигуру и кожу.

Некоторое время ели молча. Королева откровенно наблюдала, как Тайбай умело нарезает мясо и думала, что он настоящий джентльмен и умеет не оскорбить даму грубым, неприличным поведением за столом. Её покойный супруг, например, всегда шумно жевал, чавкал, отрыгивал, и даже плевался.

Тайбай доел, отложил вилку и нож, и выпрямился в кресле. Салфеткой вытер рот и коротко доложил. – Сегодня ночью был пойман очередной эльф, выдававший себя за врача. К сожалению, причину его вылазки из гетто я не узнал. Эльф умер...

(У эльфов по сравнению с людьми был очень низкий болевой порог. Они совершенно не переносили боль и просто грубость, но... могли умереть по собственному желанию, что Лукан и предпочёл сделать. Взял и умер, подлец! Такая досада!)

— Есть догадки? – Спросила королева.

Хо рассеяно пожал плечами. – Ну-у... предположительно они ищут некий магический предмет, который обладает большой силой.

— Как думаешь: они ищут ТОТ предмет?

— Вряд ли, – полковник покачал головой. – Они знают, что ТОТ предмет находится у Вас, моя королева. И скорее всего, ищут похожий – равный по силе.

— Хочешь кофе? – Нейтрально спросила её Величество. Таким образом, Элишия давала понять, что тема эльфов, гуляющих вне стен своего маленького Сай Ирджери ей больше не интересна.

Глаза Тайбая сдержано сверкнули. (Какой дурак откажется от королевского кофе?!)

Элишия позвонила в колокольчик, и пока убрали приборы и ставили кофейные чашечки, попросила. – Найди способ узнать... о предмете их изысканий. Я дам тебе все необходимые полномочия.

Полковник положил ладонь на сердце и кивнул.

В благоговейном молчании пили драгоценный кофе. Хо Тайбай наслаждался и мягчел на глазах. Его постоянная суровость сползала, как кожа змеи и вдруг явила Элишии усталость немолодого человека несущего груз каких-то своих проблем.

— Выглядишь озабоченным, – заметила королева.

Тайбай испытующе глянул, помолчал, потом решился сказать. – У меня к вам просьба.

Элишия ободряюще кивнула.

— У меня есть сын...

— Полковник!!! А как же обет безбрачия!

Хо, виновато кривясь, кивнул. – Молодость бывает безрассудна... грехи... э-э юности, – он громко бурно вздохнул и признался. – Даже и не заметил, как это случилось!

Элишия начала смеяться и грозить пальчиком. – Как давно ты знаешь о существовании сына? – Спросила она.

— Сразу. Я воспитываю его с рождения.

— Какой ты скрытный, – королева кокетливо округлила глаза.

— Признаю, приму любое наказание!

— Как его зовут?

— Его зовут Шитао, я сделал его законным наследником своего рода, статуса и состояния. Он очень хорошо воспитанный молодой человек.

— А от меня чего надо?

— Приказа о зачисление его в Карательный Отряд Охоты под моё командование.

— Вот как... У него есть звание?

— Он лейтенант. Считаю заработал его в трёх конкурсных этапах пять лет назад.

Практика присвоения званий или военных должностей в конкурсных боях имела место быть и считалась даже более законной, чем присвоение или назначение обычным рутинным путём.

— Сколько боёв... в среднем?

— Больше двухсот.

— А сколько лет твоему сыну?

— Скоро двадцать.

— То есть в пятнадцать лет он провёл двести боёв и выиграл звание лейтенанта?! – удивилась Элишия.

Тайбай с нескрываемой гордостью кивнул.

— Если зачислить его приказом это вызовет разговоры и недовольство. Дождись отбора в отряд на конкурсной основе... А когда у нас отбор?

— Через полгода, – подсказал Хо.

— Ну, – кивнула Элишия, мол, в чём проблема то?

Тайбай глянул исподлобья и неловко объяснил. – Через месяц он станет совершеннолетним.

— И?

— Я хочу, чтобы он оказался под моим командованием до того, как обретёт самостоятельность.

— Ага, – сообразила её Величество – любящий папаша не желал, чтобы оперившийся и вставший на крыло птенец, получил законную свободу, коя полагалась детям после совершеннолетия.

Элишия покачала головой. Кто бы мог подумать, что из «Страшного Тайбая» может получиться такой преданный и ответственный отец. С другой стороны, в свете последних событий, его просьба была ей очень даже на руку!

— Уговорил! – королева опять округлила глаза. – Будет тебе приказ о зачислении... Тогда у меня встречная просьба. Тоже просьба матери... Вчера вечером Хенрик попал в неприятную историю. Он очень впечатлительный и внушаемый мальчик... легко поддается другому более сильному влиянию. Я имею в виду твоего лейтенанта, который в телохранителях у моего сына... Как его... Рю-ю-ю....

— Рюйодзаки.

— Да, кажется Рюйодзаки. Вчера этот твой Рюйодзаки на глазах моего бедного Хенрика издевался над каким то несчастным простолюдином из медной касты.

Полковник Хо сидел с низко опущенной головой. Он был наслышан об этой истории с четырёх часов утра. Всё, что касалось принца Хенрика, расследовалось и распространялось во дворце очень быстро. И настоящая роль принца в этой истории совсем не являлась для него секретом. Конечно, Элишии **хотелось** думать, что инициатором инцидента выступал Проклятый Рюй, но полковник не собирался ей это позволить. Рано или поздно её Величеству придётся взглянуть правде в глаза. А правда в том, что её сын – законченный садист! И этот садист уже через полтора года станет королём!

Хо поднял голову и твёрдо взглянул королеве в глаза.

— Вам придётся принять факт того, что Тецуи Рюйодзаки всего лишь послушный исполнитель! Дисциплина у него в крови. Нельзя наказывать за подчинение своему господину. Признайте вину сына и накажите наследника... пока ещё не поздно,

С каждым словом Тайбая, лицо Элишии искажалось всё сильнее.

— Как ты себе это представляешь? – Прошипела матушка Хенрика.

— Выпорите его.

— Ч-что?!!

— Выпорите его.

Королева бурно дышала от негодования. – То есть ты, полковник, не собираешься объявлять лейтенанта Рюйдзаки виновным в том, что произошло?!

Тайбай отрицательно покачал головой.

Он не собирался. И даже наоборот, он смел советовать ей такую возмутительную вещь, как порка её ненаглядного Хенрика! И это после того, как она дала своё согласие на вступление в Отряд Охоты его собственного сына!

Глаза Элишии стали такими же узкими как у её оппонента. Те, кто знал этот взгляд, начинали дрожать от страха!

Минуты две Элишия шурилась и пыхла как рассерженный дракон. Наконец королева процедила сквозь зубы. – Будет не правильно просто назначить Шитао в отряд. Давай устроим один показательный бой.

— Это справедливо, – откликнулся каменный Тайбай.

— Тогда я сама выберу ему противника...

— Хорошо.

— Как насчёт этого твоего Рюйдзаки? – Мстительно предложила Элишия.

— Тецуй очень хорош в бою. Он подходит. – Лицо Тайбая осталось непроницаемым.

— Завтра?

— Как вам будет угодно.

— Я буду присутствовать лично! – С ядовитой улыбкой поставила жирную точку её Величество.

Полковник Хо поднялся из кресла, шёлкнул каблуками и покинул её кабинет. Королева тотчас позвонила в колокольчик. Явился Дзиро.

— Рюя сюда, – отрывисто приказала Элишия. Про себя она подумала: «Я тебе покажу, как советовать мне – пороть собственного сына!»

Подобные настроения надо было пресекать в корне!

глава 6

День плохой и хороший.

Пять холмов Птопая когда-то носили эльфийские имена: Ирджери (серебро), Мрайн (цветной ковёр), Сай-Изир (лунный серп), Сай-Бокнар (лунный свет), Вравер (магический ветер). Люди переделали их в более приятные для человеческого уха. Теперь холмы называются, в том же порядке: Венечный (или Королевский), Валун, Пристань, Колено, Семь Ветров.

Усадьба Кэрроу стояла на самом обрывистом краю Венечного холма. Раньше этот край постоянно сползал вниз и потому прилегающий участок земли был легко отдан в вечное владение Орсо Кэрроу за подвиги и заслуги перед отечеством, тогдашним королём Урсулом Гневливым.

Орсо отстроил усадьбу. И попросил эльфов помочь остановить оседание земли.

Эльфы откликнулись на просьбу Орсо, тем более что последний был их преданным другом, и засеяли неустойчивый склон каменным ползучником. К тому времени обрыв разрушил часть усадебной ограды и вырвал из сада приличный кусок земли вместе с тремя молодыми корейскими горными соснами. «Невосполнимая утрата...», как писал Орсо Кэрроу в семейной хронике.

Одно дерево смогли спасти. За ним отправили наёмных рабочих, которые откопали сосну и подняли её наверх. Теперь эта трёхсотлетняя сосна росла во внутреннем дворе дома.

Ползучник остановил оседание склона и за три сотни лет разросся до тёмно-зелёных, мрачных зарослей, кои делали невозможным подъём на холм с этой стороны. А с недавних пор плети ползучника облюбовали чёрные скворцы. Каждое утро они наполняли «лес» писком и верещаньем и вместе с восходом солнца будили всех обитателей усадьбы Кэрроу. Артура будили первым: окна его спальни выходили на внешнюю сторону усадьбы как раз над обрывом.

Он проснулся разбитым. Вчера молодой человек вернулся в двенадцатом часу ночи, получил нагоняй от Констанции, а когда напомнил ей, что уже давно совершеннолетний, получил ещё один – от отца. Пришлось заткнуться, чтоб и дальше не раздражать родителей, и прочапать в спальню под сердитые напутственные батюшкины реплики и осуждающие взгляды слуг.

Полночи не спал. Думал о Шитао и о том, что тот не хромает. А должен! Согласно хронике Ли Чжун Ки, Закария завтракал младенцем и его мамашей, когда услышал шум доспехов на подступах к своей пещере. От дамы осталась только верхняя часть, а ребёнку дракон успел кусануть ногу... правую или левую? В хронике не уточнялось. В любом случае младенец должен был умереть! Много ли ему надо!

Да что там! Сам полковник Хо должен был умереть! Странно, что на тот свет отошли все хоть мало-мальски причастные к смерти Закарии, кроме двух самых главных виновников! Королевы Элишии, которая «положила глаз» на шкуру дракона, и Тайбая, который эту шкуру с дракона снял! Теперь вот ребёнок, недоеденный ящером, тоже оказался живым и здоровым!

Артур полночи прокрутился в раздумьях и заснул только часам к трём. Ему приснился Закария в свой последний день. Он лежал на земле с закрытыми глазами на грустной морде – несчастный, поверженный и одинокий. Окровавленный рыцарь Хо стоял сбоку от побеждённого противника и мечом, как пилой перепиливал какие то незначительные участки толстой драконьей кожи. Сверху хлестал ливень, который потоками нёс кровь Закарии по склонам горы. Дракон терпеливо ждал окончания процесса, иногда приоткрывал око и косился на Тайбая. Из пещеры за огромной драконьей тушей доносился плач новорожденного ребёнка.

Плач младенца плавно перетёк в птичий гомон и Артур чуть ли не со стоном проснулся. Восход оранжево заглядывал в окна.

За завтраком, проходившем в недовольной тишине (никто не выспался), Артур спросил у отца есть ли у них в архиве что-нибудь по предкам рыцаря Хо. Уильям Кэрроу предсказуемо ответил, что информацию по роду Хо надо искать в библиотеке самого полковника Хо... Молодой человек досадливо скривился, вспомнив, что был в этой библиотеке не далее, как девять часов назад, но ни о чём таком не додумался, а мог бы попросить у Шитао разрешение порыскать по книжным полкам!

—... Или..., – добавил отец. – В центральном архиве общего здания цеха историков-информаторов.

Центральный архив находился за «Луной» в двух кварталах от гетто. Мрачно жуя бутерброд, молодой господин Кэрроу раздумывал: ехать в архив или не ехать.

— Езжай, – буркнул Уильям, наблюдая за умственной работой отпрыска по его лицу.

— По-ше-му?– Прочавкал Артур.

Матушка с лёгкой досадой сложила губы и возвела очи. Далее последовал скорбный вздох, переходящий в едва уловимое негодование. Она терпеть не могла, когда сынок аристократ чавкал!

— По дороге загляни в Луну... Круф полночи выл как резанный, утром отказался есть... Найди Морана или Лукана, спроси возможную причину, – пояснил папаша.

— Ладно.

— Возьми скутер, – попросил отец. – И оденься попроще.

— Да, – негодуя сверкнул глазами Артур на отца.

Взять скутер и одеться попроще означало смешаться с толпой простолюдинов, дабы не вызывать в свою сторону косых взглядов и камней в спину. Собственно говоря, совет отца был излишним. Артур не собирался шокировать тамошнюю публику признаками своего аристократизма. Получается, что отче по сию пору считал его неразумным и не способным здраво оценивать ситуацию! Вот так!

После завтрака Артур спустился вниз в архив – посмотреть на Круфа. Пёс выглядел плохо. По сравнению со вчерашними сутками он похудел и потускнел шкуркой. Увидев хозяина, Круфик начал с плачем просится на руки. Молодой человек сел на пол и забрал собаку в свои тёплые человеческие объятия, где стал гладить и шептать всякие ласковые слова. Круф поскуливал и тыкался зубастой мордой ему в ладони.

— Только пальцы мне ещё нужны, – на всякий случай нараспев встраивал Артур просьбу в свои речитативы. – Хороший мальчик, похудел... не хочет кушать... что случилось?

— У-у-у.. – жаловался Круф.

В архив спустился Уильям – принёс несколько кусков жирной сырой свинины. Артур взял один, насильственно открыл пасть Круфа и осторожно просунул мясо подальше ему в глотку. Пёс замотал головой. Молодой хозяин, придерживая ему челюсть, почесал псине горло. Круф сглотнул. Отказываясь продолжать процедуру, засунул морду Артуру в подмышку.

— Может отвезти его в Луну? Пусть Лукан посмотрит, – спросил Артур.

— Лучше пригласи Лукана сюда, – покачал Уильям головой. – Я сделаю официальный запрос и попрошу разрешение на его выход за пределы гетто.

— Ладно. – Артур с трудом поднялся с пола – от долгого нахождения в одной позе затекли ноги, передал Круфа отцу. – Дай ему выходной, – попросил он за собаку. – Пусть поплавает, погуляет.

Выходной для Круфа означал ограничение передвижения для Констанции Кэрроу и некоторых слуг, которых пёс, по какой-то причине не любил! В итоге перспектива следующих часов выглядела несколько напряжённой, но старший Кэрроу согласно кивнул.

Начало дня как то не задалось.

Артур переоделся и спустился вниз к гаражу.

Скутер, который использовал Артур в поездках, внешне ничем не отличался от тех, на коих простолюдины «лихо» рассекали по улицам Ступеней и Низины. Он выглядел, как старенькая машинка, побитая, побывавшая на свалке, отремонтированная и перепроданная за некую символическую цену. На самом деле под внешней непрезентабельной оболочкой таились ум и скорость, происходящие, от магического предмета! Уильям Кэрроу приобрёл скутер за огромные бабки пятнадцать лет тому назад. (Чего только не сделаешь и какие только деньги не отдашь, ради безопасности единственного горячо любимого сына!) У этого скутера даже было собственное имя. Его звали Фока.

У Артура и Фоки сложились натянутые отношения. Ибо Фока имел собственное мнение и смел его высказывать, и даже (всегда не вовремя) предпринимал некоторые самостоятельные действия. Формально Фока всё ещё принадлежал Уильяму Кэрроу, а не Артуру и соответственно он подчинялся отцу, а не сыну. А Уильям пока что не торопится подаривать скутер своему чаду. Каждое утро старший Кэрроу приходил в маленький ангар Фоки и читал ему длинную нотацию о том, как бесценна жизнь молодого хозяина, и как важно сохранить его драгоценное здоровье, физическую целостность и моральное равновесие! И каждый раз, когда двадцати восьмилетний молодой человек, почитающий себя взрослым и свободным в поступках, выезжал на скутере куда-нибудь из родительского дома, начиналась жуткая канитель, состоящая из длинных препирательств с машиной и выяснений чего можно, а чего нельзя ему делать! Понятно, почему лошади нравились Артуру больше. (Жалко, что простолюдины не ездят на лошадях, а предпочитают маленькие компактные машинки с электроприводами вроде скутеров или ещё эти ... велики.)

— Будешь сегодня возникать, замену на велик! – Пригрозил Артур Фоке, едва гаражные ворота отъехали в сторону и дневной свет широкой полосой лёг на пол и стены ангара.

— Здравствуйте, молодой господин, – равнодушно откликнулся Фока. – Передвижение на устройстве типа велосипед имеет значительные ограничения по скорости...

Молодой господин прошёл внутрь и щёлкнул пальцами по раме. – Зато он молчит!

— Предполагается прикладывание физических усилий... особенно при подъёме... – продолжал Фока.

— Ладно, понял, не нуди, – Артур перекинул ногу через седло скутера, сел.

— Шлем, – подсказал Фока.

— Хай, – молодой человек снял шлем, висевший на руле.

— Наколенники...

— Хай, хай.

— Ваш пульс, температура, – напомнил Фока. С зубовным скрежетом Артур придавил запястье к датчику. Больному или взволнованному мальчику категорически запрещалось самостоятельно управлять скутером!

— Ваш пульс учащён чуть больше нормы.

Кэрроу передышал усиливающуюся злость и ехидно спросил. – И кто же в этом виноват?!

Из ворот усадьбы Артур Кэрроу, выехал за полтора часа до полудня. Проехав по дороге, ведущей к дворцовому комплексу чуть меньше километра, он свернул на серпантин и по нему вернулся назад в сторону усадьбы, только ниже неё. Пронось на скутере, под почти вертикальным склоном с родимым домом наверху, Артур поднял прозрачное забрало шлема, задрал голову и пронзительно засвистел. Из ползучника тучей взвилась возмущённые скворцы.

— А как вы мне спать не давали! – с мстительным хохотом напомнил молодец возмущённой птичьей ватаге.

Он спустился вниз ещё на одно кольцо серпантина и там перебрался на мост, ведущий на Валун. Через двадцать минут на «полных парусах» Артур въехал в северные ворота «Луны».

Шесть сквозных ворот Луны были открыты день и ночь, ибо если эльфам и запрещалось без серьёзных причин покидать стены гетто, то люди могли ходить туда-сюда через него в любое время суток. Дабы не утруждать человеческие ноги обходом эльфийского гетто при перемещении по холму с одного склона на другой.

Прекрасный дом братьев Эксу Стэри, каменные плиты двора, арочные входы в расширенные и изменённые пространства – всё было окрашено в однообразный грязно-серый траурный цвет. Артур, онемевший от удивления, слез со скутера, и некоторое время топтался, не решаясь войти. Его хорошее настроение, вызванное бодрящей ездой, развеялось в прах. «Кто умер?» – Гадал он. «Моран? Лукан?»

Лукан совсем ещё молодой – на эльфийский возраст чуть младше Артура.

На веранду вышла Оливия Кас Стэри – жена Лукана – тоже вся в сером, и махнула ему рукой.

— Жди, – приказал Артур Фоке и, сгорбленный в предчувствие страшного горя, поплёлся к ступеням.

Оливия не плакала. Эльфы не умеют плакать. Они источают боль – ощущение не для слабых. Кто хоть раз сопереживал эльфу, тот знает как это невыносимо!

По мере приближения к женщине, молодого Кэрроу трясло всё сильнее. На подгибающихся ногах он поднялся на ступени и встал напротив Оливии. Спросил – Кто?

Эльфийка с каменным лицом беззвучно разомкнула губы, и по их артикуляции Артур прочитал «Лу-к-кан».

Они обнялись.

— Его пытали, – Всё так же внешне спокойно проговорила Оливия в плечо Артуру. Он покачивал её на своей груди как ребёнка.

- Забрали из дома? – Спросил Кэрроу.
- Нет... Он вышел ночью за пределы гетто.
- Зачем?!
- Не знаю....

Теперь можно было не спрашивать, почему Круф отказывался есть. И так было понятно, что пёс оплакивал своего создателя. Одной рукой Артур с трудом открыл тяжёлую дубовую дверь и завёл Оливию внутрь дома.

* * *

В восточной части дворца имелся зал, закрытый на ключ. Ключ на длинной цепочке её Величество носила под платьем. Двери зала запирались с тех самых пор, когда в него, предварительно разобрав две стены – внешнюю и внутреннюю, втащили шкуру Закарии. Потом стены заложили и даже усилили двойной кладкой. Теперь, приблизительно два раза в неделю, её Величество собственной рукой отмыкала замок и входила внутрь.

Одна.

Шкура занимала всё пространство зала. При том она не помещалась полностью и потому собиралась в многочисленные складки наподобие морских волн при бурном шторме. Аналогия с морем усиливалась ещё и потому, что шкурка сохранила свой глубокий насыщенный синий цвет. На спине Закария был покрыт чешуёй, а на груди и пузе блестящим мехом, который при ближайшем рассмотрении оказывался вовсе не волосками, а очень тонкими и густыми шипами. Чешуя отливала перламутром и зеркально блестела, отражая стены зала из розового мрамора, потолок и ... отрубленную, высушенную голову Закарии, которая на цепях была подвешена низко над полом. Настолько низко, что Элишия могла взобраться на голову сверху и лечь там в любую удобную ей позу, или сесть, или покачаться, раскачивая цепи как качели. Всё что её душе угодно!

Под залом, углубляясь на пару десятков метров, имелась ещё одна секретная комнатка. Очень маленькая, сырая и тесная. В неё вился и спускался длинный, многоступенчатый коридор, тайно проложенный внутри стен. Начинался коридорчик из апартаментов Элишии. Ключ от комнатки висел на цепочке рядом с первым ключом.

В этой комнате тоже имелся обитатель, но живой. Звали его Мин Дзюн Со.

К Мин Дзюн Со королева заглядывала намного чаще, чем к Закарии. Обитателя надо было кормить, удовлетворять всякие его бытовые нужды вроде горячей воды для купания или выноса вонючей бадьи для испражнений. Не жалуясь и не стелясь, Элишия всё делала сама. За дверью комнаты находился слив, куда благороднейшая из благородных дам собственноручно выливали содержимое бадейки и грязную мыльную воду.

Если о наличии шкуры Закарии знало достаточно много народа, то о существовании Дзюна забыли давным-давно. А ведь когда то он был величайшим магом Государства Перемен!

Дзюн уже давно не занимался магией. В подземелье не проникали магические потоки, и в руках Дзюна не было магического предмета. Элишия лишила его всего, что хоть чуть-чуть, хоть самую малую толику содержало магию.

Заключение Дзюна длилось почти девятнадцать лет – со дня коронации Элишии. Пожелай он свободы, он бы мог получить её в любой момент простым физическим усилием! Например, оттолкнуть королеву, когда она входила в дверь, но...за годы своего заточения Дзюн ни разу не предпринял ни одной попытки. Он был само смирение и терпение. Он ждал, когда королева принесёт воду умыться или весьма скудно обмыть тело, когда она опорожнит «ночной горшок», принесёт еду и питьё, сменную одежду и постельное бельё, свечи, книги, бумагу для работы.

Дзюн добровольно терпел своё долгое и скорее всего пожизненное заключение ибо нёс груз вины. Это он когда-то рассказал тринадцатилетней Элишии – своей ученице про то, что драконы – наивысшие магические существа, а шкура убитого дракона – наисильнейший магический предмет, дающий его владельцу абсолютную магическую власть.

Толстая суточная свеча сгорела наполовину.

Воздух через небольшие отверстия нагнетался естественной вентиляционной системой состоящей из труб, вынесенных, на разную высоту. Окон в камере не существовало, и Дзюн научился определять время суток по количеству сожжённых свечей и высоте истаявшей свечки.

Ручная крыса Тьян Су ползала по плечам своего хозяина, заглядывала ему в уши, обшаривала длинные пряди волос. Это была седьмая по счёту питомица. Крыски живут около трёх лет, а Дзюн не имел возможности магически продлить им жизнь, поэтому после смерти текущей воспитанницы или воспитанника, маг выбирал какую-нибудь следующую гениальную особь и заново начинал процесс по приручению и обучению.

В камере стояли деревянные кровать, стол и стул. Таким образом Элишия выказывала почтение к своему учителю. Самому Дзюну было пофиг на какой кровати спать (хотя на деревянной приятнее и Тьян Су она нравилась, потому что было удобно точить зубы).

В замке двери заскрежетал ключ и глазам Мин Дзюн Со предстала его госпожа – красная от натуги. Одной рукой Элишия толкала дверь, в другой держала поднос с посудой.

— Добрый день, Дзюн, – прокряхтела её Величество.

Маг даже и не подумал подняться, чтобы помочь. И вовсе не из чувства превосходства. Таким образом, он позволял Элишии выплачивать перед ним её собственный долг.

— Здравствуйте, моя королева, – хриплым басом пророкотал маг.

Элишия, наконец, справилась с дверью и протопала к столу, где установила поднос на кипы бумаг и книги.

Тьян Су по руке своего хозяина спустилась на стол и пошла, проверить, что такого вкусенького им принесли. Элишия, сдула с лица прядь волос, не глядя, взяла со стола первый попавшийся лист бумаги и через него рукой подхватила крысу за жирную спинку. Далеко отведя руку, она отнесла её к клетке и запихала внутрь. Дзюн не стал заступаться за свою любимицу, поэтому Тьян Су самой пришлось высказать королеве всё, что она о ней думает! Да!

— Сама такая! Плохая крыса! – «Достойно» ответила королева на возмущённый писк грызуна.

Дзюн вяло усмехнулся.

— Не надоели крысы? – Её Величество упёрла руки в бока и повернулась к магу. – Хочешь, я принесу тебе кота или собаку?

Маг предсказуемо отрицательно покачал головой. Взгляд его чёрных глаз был тускл и равнодушен.

— Ты плохо выглядишь, Дзюн...

— Я выгляжу обычно.

— Хочешь, я тебя подстригу?

— Нет...

Элишия вернулась за дверь камеры и через минуту занесла ведро с горячей водой, которое ожидало своей очереди в коридоре. К этому времени она уж здорово запыхалась, поэтому донесла ведро до полки, на которой стоял таз для умывания, и с громким стуком поставив его, она прошла к дзюновой кровати и с размаху улеглась там поверх одеял и подушек.

— Помнишь Тайбая? – спросила королева.

Дзюн помнил. Сложно не помнить того, кто убил последнего дракона. Маг встал со стула (единственного в помещении) и пошёл умываться и бриться.

— Этот каменный старик предложил мне выпороть сына! Представляешь! Моего умного и красивого сына наказывать розгами!!

Элишия всё ещё была под впечатлением от завтрака с полковником. Голос королевы был несколько возбуждён и даже визглив.

Намыливая лицо, Дзюн поморщился. Сам он думал, что эта мера сильно запоздала! Её следовало применить лет эдак десять, а то и двенадцать назад!

— Мальчик немного развлёкся..., – её Величество села на кровати, сложила руки на коленях и сцепила пальцы. Лицо её выражало упрямую решимость доказать своему учителю абсолютную оправданность действий Хенрика. – Они пошли в клуб. Он, его друзья..., и этот ужасный телохранитель. Все имеют право ходить в клуб! Клуб какой-то дешёвый... Ну, там где пьют простолюдины... Хенрику хотелось посмотреть, как живут его поданные... Что очень похвально для будущего правителя!

Дзюн, слушая нервное повествование Элишии, медленно водил бритвой по подбородку и поглядывал на королеву через маленькое круглое зеркало на стене.

— Там, скорее всего, произошёл конфликт. Ты же знаешь, простолюдины не любят аристократов. Мой сын повёл себя как истинный король. Он точно выбрал нужную модель поведения, сыграл на чувствах, характерах и эмоциях, отвлёк толпу... и этого мальчика вывели из зала и немного проучили. Просто наказали за непочтительность! Он остался жив и почти неповреждён!

Элишия проговорив (и прослушав) собственную версию вчерашних событий вдруг прониклась мыслью, что Хенрик чуть ли не впервые ювелирно точно спланировал и провёл некое действие пусть и не благовидное, но как эффективно!

— Он гений..., – прошептала королева. – Наказывать короля за хорошо спланированное и результативное действие, так же неправильно как наказывать подчинённого за выполнение приказа.

Мысленно Дзюн был вынужден согласиться.

Её Величество резко воссияла лицом. Напряжённость в спине и руках исчезла, плечи опустились. Мин Дзюн Со наклонился и стал плескать себе воду на лицо.

— Между прочим, у Тайбая есть сын двадцати лет.

Стук капель воды о дно таза резко прекратилось. Маг распрямился и обернулся на Элишию.

— Наш праведный рыцарь Хо оказался развратным негодником и заимел побочного отпрыска. Он сделал его законным наследником!

— Двадцать лет? – Хрипло переспросил Дзюн.

— Ещё нет двадцати – будет через месяц. Тайбай попросил меня о зачислении этого мальчишки под своё командование. Не хочет отпускать совершеннолетнего сыночка из-под опеки.

— Двадцать лет... будет через месяц..., – ещё более шокировано проговорил Дзюн теперь уже сам себе. Он сел к подносу с принесённой едой, поднял одну из крышек, и так и остался с поднятой рукой, и крышкой в ней. Взгляд его витал, где то за пределами его тюрьмы.

Тьян Су, возмущённая тем, что её не допускают к подносу, опять разразилась негодующим верещаньем.

— Мерзкая крыса, – Элишия встала с кровати и направилась на выход.

— Принеси мне хронику, – бросил ей в след маг и со стуком вернул крышку на место.

— Какую?

— Ту, которую написал Ли Чжун Ки

— Кто это? – Удивилась королева.

— Ты забыла, – спокойно констатировал Дзюн. – Это историк-информатор, который свидетельствовал гибель Закарии. Он должен был написать хронику по этому событию.

— Зачем тебе?

— Хочу освежить память.

— Никогда не слышала...

— Просто попроси поискать! – Резко перебил маг.

Элишия моргнула. За двадцать лет это был первый негодующий окрик... и первая просьба.

— Ладно, будет тебе хроника. И не ори на меня!!

Королева с грохотом захлопнула дверь.

* * *

Молодой историк информатор – на вид моложе Артура – пребывающий в должности архивариуса, сказал ему. – Вам сообщение от отца.

— Что там? – Спросил молодой Кэрроу, опускаясь в кресло перед пропускной стойкой центрального архива. Архивариус стал читать по бумаге. – Эльф Лукан Эксу Стери ... умер.

— Знаю, – с долгим вздохом Артур поник головой на грудь. После двух часов скорби в эльфийском доме, он чувствовал себя обессиленным и высушенным, как дерево в пустыне.

— Ваши книги... архивариус сочувственно моргал. – Магистр Кэрроу просил отобрать до вашего прихода.

— Вы не могли бы принести воды.

— Д-да... конечно, – молодой человек торопливо исчез в проходе за стойкой.

«Эльф Лукан умер... эльф Лукан умер... эльф Лукан уме...» – бесконечно вращалось в голове Артура Кэрроу. «Тайбай забрал его с ночной улицы в комендатуру, его допрашивали, к нему применялись пытки, он отказался от жизни, потому что боль была сильнее желания жить. Проклятый полковник Хо убил драгоценного друга рода Кэрроу...»

— Ваша вода...

— Что?

— Вы просили воду, – архивариус протягивал Артуру длинный бокал по самый верх наполненный чистой водой.

— Спасибо, – молодой Кэрроу взял бокал и выпил крупными глотками. – Хор-рошо, – проговорил он, возвращая опустошённый сосуд. Ему и впрямь стало немного легче.

Архивариус вернулся за стойку и выложил на столешницу три внушительных хроники. – Две по роду Хо и одна..., – начал он перечислять. – ...Лично по просьбе магистра Кэрроу. – «Магические элементы и связи».

— Что? Зачем? – Удивился Артур.

Историк-информатор с видом «это меня не касается» пожал плечами.

Артур подошёл к стойке, пересмотрел книги и расписался в бланке, по которому обязывался вернуть хроники в архив в целостности и сохранности.

«Интересно, зачем отцу понадобился учебник для магов?»

— Когда вернёте? – строго спросил библиотечный клерк.

— Недели через две, три.

— Хорошо. Приятного чтения.

— Спасибо. – Артур забрал хроники и с несчастным видом пошёл к выходу. Архивариус полный желания помочь, но не знающий как, растерянно смотрел на его сгорбленную спину.

Фока, как обычно и очень убедительно притворяясь заурядным, старым скутером, ждал у входа. Артур засунул хроники в плотную багажную сумку. Застегнул, проверил крепление, сел на скутер и одел шлем.

Вернуться домой можно было через «Луну», или в объезд по человеческим кварталам. Кэрроу решил поехать через кварталы. На ещё один приступ горя по поводу утраты Лукана, и

волны ненависти к Тайбаю у него не осталось сил. Он и так за последние полчаса рассмотрел около десяти вариантов лишения полковника статуса, королевской благосклонности, финансового состояния, рук – ног, наконец. Проклятый Тайбай – убийца эльфов! И сынок, наверное, такой же. Яблоко от яблони не далеко падает!

Артур вспомнил Шитао и добавил в чашу «не нравится» своих виртуальных весов столько желчи, что та рывком опустилась максимально вниз.

— Через кварталы, – едва слышно приказал он Фоке. Тот неспешно сделал разворот и покатил назад к родному дому. По мнению Фоки состояние и пульс молодого хозяина не позволяли ему рулить самостоятельно, а поэтому он принял управление на себя.

— Впереди большое скопление людей, – предупредил он вкрадчивым голосом через десять минут поездки.

— Что там? Процессия? – Прокричал ему Артур.

— Толпа... стоят на месте... смотрят... надо вернуться и поехать по другой улице, – скутер начал тормозить и разворачиваться.

— На что смотрят? – Спросил Артур

— Представление...

— Стой!

— Да, молодой хозяин, – скутер, успевший развернуться, остановился. – Что случилось?

— Э-э-э... я тоже хочу! Немножечко представления на данный момент, – Артур длинно вздохнул. – Мне не мешает.

— Как скажете, – Фока остался равнодушным – всё, что не касалось безопасной езды лично на нём, его не волновало.

— Ну ладно... – Артур слез со скутера, покрутил головой и вручную откатил Фоку к самому краю тротуара.

Места было удручающе мало. Дома примыкали друг к другу вплотную. Тротуары для пешеходов по ширине могли пропустить только одного человека. Проезжая часть была рассчитана на скутера, велосипеда и небольшие тележки которые могли бы катиться за этими средствами передвижения.

Где то в конце улицы стучал барабан, охала и рукоплескала толпа.

Артур, не снимая шлем, направился в ту сторону. За Фоку он не переживал. Если что – скутер был способен постоять за себя и за свой груз.

Пройдя сотню метров и сделав поворот, историк-информатор вышел на маленькую площадь, окружённую кафешками, пивнушками и магазинами. По центру площади был сооружён лёгкий помост из прония. Вокруг него восторженно волновалась толпа людей.

На помосте трое парней – два здоровяка и один малыш выделяли нечто на первый взгляд несуразное. Было похоже на танец очень сложный и трудный в физическом исполнении с элементами драки. Удивлённый Артур, стал пробираться в толпу поближе к помосту. Это было трудно. Люди раздвигались неохотно, раздражённо оглядывались, но увидев зеркальное забрало шлема, тушевались и пропускали вперёд. Чёрт его знает кто там под шлемом! А может местные: полицей или наоборот – бандюг! В итоге Артур, без ущерба морального и физического, добрался до первых рядов у помоста.

Это был не танец, а очень красивая замаскированная под танец драка. Здоровяки нападали, а малыш жилистый и тощий легко отбивался. Почти всё время ребята были в позиции с упором на руках – одной или двух. Вверх вскидывались ноги, которые со свистом рассекали воздух или делали захваты. Все происки здоровяков не достигали цели, потому что малыш изворотливый, как кот умудрялся отбить любую атаку. На краю помоста стоял барабанщик, который азартно отбивал ритм. Борцы дружно выдыхали, хекали, гикали и даже рычали.

Толпа восторженно ревела.

Артур стоял с открытым ртом... благо, что под шлемом было не видать его потрясённой физиономии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.